

Капитан 2 ранга Костенко В. П. — командир корабля

Капитан 3 ранга Зайцев Иван Васильевич — замполит

Капитан 3 ранга Луньков Юрий Михайлович — старпом

Капитан-лейтенант Соломаха Петр Николаевич — штурман

Капитан-лейтенант Бочкарев Вячеслав Савельевич — механик

Старший лейтенант Пешков Геннадий Гаврилович — командир БЧ-4 радиосвязь

Мичман Пахомов Владимир Георгиевич — боцман

3 августа

Рано утром вышли в Тихий океан. Сплошной туман, безветренно, тепло. Иногда туман чуть рассеивается, но горизонт так и не видно. Солнце проглядывает, размытое. Глупыши все время летают. Толстые птицы серо-коричневые с головами чаек и узкими крыльями. Летают и часто-часто машут. Непугливы — иногда сидит у самого борта в пене и не взлетает.

Океан действительно тихий. Лишь чуть кренит с борта на борт. На мостике марсовый Плюхин — коренастый, небольшого роста, рябой парень удивляется: небывало, чтобы в Тихом океане так мирно шли. Туман, тишь. Хоть шторм бы — говорит, все веселей идти. Он участвовал в задержании японской шхуны. Она вынырнула из тумана на корабль. И сразу повернула. Мы за ней. Она стала кружить вокруг. Потом японцы сделали вид, что хотят пристать к борту, замедлили ход, «Ишим» тоже. Как только заметили японцы, что ход замедлен — дали полный и удирать. Снова за ними. Наконец, вынудили их пристать. Сошли к ним на борт. Выяснили, что срезаны флажки с буев. Радиобуй — на их частоте. Они — не наши, а стали радисты проверять их — запищал пеленгатор. Японский капитан сразу поднял руки — сдаюсь. Спросили его: — Понимаете по-русски? Он долго качал головой, молчал, а потом ответил на русском языке: — Не понимаю. Все захотали.

На островах, где были бои, до сих пор нетронутая разбросана разбитая техника японская и наша. Лежат скелеты в сапогах. Никто не убирает. Некому. На Матуа огромный холм насыпан над японским укреплением — несколько этажей здание. Засыпано для маскировки и безопасности. В корзинах землю носили пленные китайцы. Потом их всех утопили — сажали на баржи, отвозили в море, открывали кингстоны и люди тонули. Их выбрасывали, откачивали воду и снова везли в море новых.

На острове Топорки у Матуа — собирали яйца топорков.

Плюхин все сокрушается, как мне не везет: и в море ничего нет, как вымерло.

Идем у берега Камчатки, но земли не видно. Туман по горизонту. Серая вода. Солнце иногда сквозь туман, но тепло очень.

В море около корабля — ленивые топорки: черные птицы, со среднюю утку с белой половиной головы, с красным плоским клювом и красными лапками. Они лениятся отлетать от корабля — отплывают или плюхают по воде крыльями — отскакивают в сторону или ныряют, но улетают редко.

14 часов — учебная химическая тревога. Здраили иллюминаторы. Условия — ядерный взрыв в районе Петропавловска-Камчатского. Закрыли двери, разбились на команды. В полубаке надевают костюмы. Выходят, похожие на чудищ. На мостике вахтенный в зеленой резине и маске. Дозиметрист с прибором — определяет радиацию. Потом смывают палубу из шлангов, вытирают ветошью перила и рубки. Некоторые матросы впервые участвуют в боевой тревоге. У штурвала стоит тоже в костюме. Как они говорят и понимают — трудно догадаться. Я ничего не мог понять, а они и говорят, и по телефону — все довольно слаженно.

Сплошной туман. Берега Камчатки так и не видели.

На палубу, у шлюпки сел птенец топорка. Шейка повреждена. Посидел, отдышался, но увидел людей и улетел.

Говорят, топорки хороши на воде, только нужно ободрать шкуру и жарить со специями.

Это Ноев ковчег. Здесь есть все. И электронные приборы, и два поросенка к праздникам, и гироскоп, и пять коров для застав, и люди, принимающие лишь то, что указывается свыше, и такие, что сами пытаются что-то понять и иметь свое мнение. Есть юмористы, воспринимающие быт через Ильфа и Петрова, есть люди начисто лишенные чувства юмора. Это микрокосм, в котором отражена жизнь, и существует он по законам общей жизни.

Прошли мыс Поворотный. Во тьме виден маяк, прокалывает даль. Туман рассеялся, и видно было даже сопки на мысу. На траверсе Петропавловска будем поздно ночью, а утром подойдем к мысу Шипунскому.

В обед собрались в кают-компанию. Геннадий Гаврилович спрашивает командира корабля Лунькова: — Какой курс прокладывать? Вдоль берега пойдем или на полуостров Шипунский? Луньков: — На Шипунский. Выигрыш два часа — 20 миль.

22 часа. Море светится слабо. У бортов редко когда мелькнет искра. За кормой свечение погуще, но нет сравнения с тем, что было южнее в Охотском море. Лишь иногда, вдруг, вспыхивает яркое пятно и уплывает назад. Да у самой кормы клубится светлое пятно.

Рядом матрос, говорит – очень красиво во время шторма, когда волна набегаёт на волну и вода в темноте светится.

4 августа

В 8 утра солнце. Вышел на палубу — смутно видна Жупановская сопка. Огромный конус в продольных полосах снега. До сопки 104 км. Туман рассеивался, и она проступала все ясней. Море синее и зеленое за кормой. Туман палевой полоской отходил по носу на горизонте. Засветилась Кроноцкая сопка впереди. А сзади появилась полоска тумана, коричневатого цвета сверху и светлой мути внизу — по всему горизонту. Минут за 20 эта полоска закрыла горизонт и поплыла козырьком на него. Неподалеку вода синяя, а под козырьком, который накрыл корабль — серая. Полоса сини уходит вдаль, к Кроноцкой сопке. Геннадий Гаврилович вышел взять пеленг на Кроноцкую. Я видел сопку и отвел на мгновение взгляд на бак, и тут же снова хотел посмотреть на сопку — ее не было. Исчезла мгновенно. Геннадий Гаврилович говорит, что вышел из рубки — видел, а пока пришел на мостик — сопки нет.

Идем в тумане полном, лишь чуть солнце мутнеет.

Луныков: — На корабле был белый медведь. На заставе два медвежонка — одного в московский зоопарк, другой жил у них. Жил у движка электростанции. Очень любил в такт работы двигателя высунутым языком отбивать такт. Выпросили — отдали пограничникам. Стал жить на корабле. Повадился лежать у вспомогательного двигателя — тоже языком отбивал такт. Так понравилось — механика стал отгонять от двигателя, чтоб лежать.

На железном корабле животные живут плохо. У медведя начал сохнуть нос. Придумали сплести ошейник из медной проволоки. Надели — нос перестал сохнуть. Медь отводит токи ВЧ. Потом лапы стали болеть — хромает. Надели на лапы браслеты из медной проволоки — прошли. Очень любил фильмы смотреть — в такт музыке — языком. Приехал на корабль генерал. Медведь сидел рядом и смотрел фильм и генералу очень понравился медведь. Раз в кают-компании забрался на накрытый стол и прошелся вдоль — все перемешал. Снимали его: медведь в бескозырке лезет на мачту. На причале рядом склад, на складе кладовщик рубит мясо. Медведь удрал с судна — и на склад. Кладовщик в испуге удрал. Медведь впился в тушу и орет. Прибежал матрос, который за ним ходил, надавал ему по морде, и увел. Взяли его совсем маленьким, а через год он был уже большим — лапы шириной в две ладони. Погиб он так — нализался аккумуляторной жидкости — язва желудка. Доктор его вылечил, потом язва снова

развилась и он погиб. Похоронили его в море, возле Северного Курильска. И в вахтенном журнале отметили, что похоронен медведь.

А на другом корабле, где служил Луньков, был целый зверинец — рыжая лиса с Курил, топорок, баклан, медвежонок, чайка. Жили они в разных местах корабля, но иногда их запирали всех вместе в предбаннике, когда работы на корабле. Орали, были они там жутко.

Иван Васильевич: — А у нас была медведица Машка. Маленькая совсем. Маленькие медведи хороши, а большие — не то, опасными становятся. А с маленькими играть очень хорошо. Машка зашла на камбуз, а там компот для всей команды. Выпила. Потом камбуз приходилось запирать — она подходила к двери, била лапой и орала. На заставе, на Курилах, она так понравилась командиру, что он предлагал за нее корову.

— Как ты оформишь корову-то?

— А у меня телка есть, нигде не записанная. Берите корову.

Но не променяли ее. Командир корабля очень ее любил. Погибла бесславно. Ошейник, завязанный веревочкой и цепь. Она через фальшборт перевесилась ночью и вывалилась, а веревочка оборвалась — она за борт и утонула. Утром командир: — Кто был на вахте? Почему за медведем не досмотрели?

Это за утренним чаем рассказы. И тут же решают, как лучше идти — прямо к Кроноцкому мысу, или по побережью. Решили — прямо.

А утром в три часа было штормовое предупреждение всем судам в нашем районе. Но мы уходим от шторма.

Уже разговоры — что купить в Провидения — шапку, шкуру нерпы, кофточку и т. д.

Боцман везет другу ящик помидоров. В Провидения еще не было свежих овощей — сушеная картошка до сих пор. Помидоры были спелые и уже портятся. Хочет скормить нам, чтоб не пропали.

Камчатка встречает теплом и туманом. На палубе, как в бане — жарко и парно. Солнце и туман. Снял все теплое — снова в безрукавке. На палубу выпустили гулять свиней. Их подарили кораблю пограничники с Курил. Растят их к ноябрьским праздникам: Борька, поменьше и совсем уж приличный Капитон — розовые. Выбежали на палубу, брыкают от радости. Испугались коров. Идиллия свинки и коровы.

Вахтенный матрос: — Свиньи морскими стали, в третий поход с нами идут.

Прошли мыс Кроноцкий. Погода меняется ежеминутно. С утра жарко, я снял куртку, потом снял теплую рубаху, переделся в безрукавку. Безветрие, солнце сквозь туман. Потом разъяснилось. Показался берег — суровые сине-черные в полосах снега горы. В бинокль видна растительность: деревья хвойные. Высокие горы, но уже нет конусов — ломаная линия. Туман по подошве, у воды, а вершины четко рисуются и осыпи желто-серые видны, и яркие пятна снега. На Кроноцком мысу — скала прямоугольная, как парус. Я принял ее за судно. По правому борту прошел вдали транспорт. Птиц здесь меньше, зато неподалеку играли две нерпы. Высунул один морду до груди — гладкий, черный.

Потом подул ветер в корму. На океанской зыби пошла волна с гребешками. Покачивать начало. Барограф резко упал.

Океанская зыбь — огромные, полные волны — 50м длина волны. Когда они идут, кажется, будто мы на вершине, а ниже — долина. И корабль покачивает с борта на борт методично, но не резко, а плавно. Где-то был шторм, у берегов Японии или Америки, и зыбь расходится по всему океану.

Потом нас опять начала догонять полоса тумана, дождичек редкий начался. Я надел снова теплую рубаху и куртку, а вскоре поддел шерстяную безрукавку и штормовку с капюшоном — и было в самый раз.

Матросы обряжались снова в защитные костюмы. Сами решили потренироваться — получается еще недостаточно четко — командир их упрекнул.

Матрос Лопатин рассказал, что они недавно на корабле — с апреля. Приехали из Анапы, где прошли подготовку — рулевые.

В кают-компании все шутят: у кого за вахту погода улучшается, а кто ухудшает погоду. Геннадий Гаврилович говорит: — Я исправил погоду, а Юрий Михайлович ее испортил. Тумана не было, когда я вахту сдавал, а теперь туман.

Срезаем Камчатский залив, идем от Кроноцкого мыса к Камчатскому. Море за туманом стало не серое, как обычно, а зеленое, бутылочное и берег пропал в тумане. У борта в пене — тоже зеленый цвет.

Как подул штормовой ветер, появились буреветники. Сейчас их несколько летает. У них крылья с вырезом посередине.

5 августа

Проходим залив Озерный. Туман, дождь, барограф резко упал. За завтраком Николай Кононов, который подает к столу, поднял бортики стола, чтоб не скатывалась посуда.

На корабле появились две крысы. С берега забежали, или с сеном их привезли. Луньков объявил за поимку каждой — трое суток увольнения на берег. Вечером на камбузе две ловушки, одна из бачка, другая из ящика. Дохматский специально сварил несколько пельменей, как приманку для крыс.

Тут же пытались паять дюралевое покрытие для кухонного стола. Дохматский с Луньковым, что-то не получалось, припой не плавился.

Боцман рассказал, что в 43–44 гг. работал на мясокомбинате в Новосибирске. Один парень бил собак и украл печати — клейма для мяса — ставил на туши и продавал за баранину или козлятину. Его арестовали. Долго держали под стражей до следствия. Он объявил голодовку и зашил себе ниткой рот — губы сшил иглой. Потом пришел на грудь и живот пуговицы. Суд ему нужен, чтоб скорей в тюрьму и убежать оттуда. Работнице, которая сообщила о его краже, отомстил тем, что, вернувшись, пришел на комбинат, забрался на верхнюю галерею большого зала разделочного и окликнул ее. Она подняла голову, и он в лицо ей бросил горсть стеклянных осколков — выбил глаз и изуродовал лицо.

Работали почти круглые сутки. Спали на комбинате — отдельно ребята и девушки. Забавлялись тем, что брали клейма и ставили спящим девчонкам на щеку или ляжку клеймо: «1 сорт», «2 сорт», «3 сорт» — в зависимости от упитанности девицы.

Покачивает на океанской зыби, но пока что чувствую себя недурно. На корабле приборка — швабрят палубу и поливают из шлангов, хотя дождь и без того все вымыл. Волна постепенно усиливается, иногда у борта фонтан брызг. За кормой зелено-голубая пена.

Стоял с Плюхиным на мостике. Виктор работает на лебедке, кроме всего прочего (Дохматский тоже лебедочник). Рассказывал, как трудно грузить понтоны в шторм. Рейдовая нагрузка у островов. Корабль на волне и понтоны прыгают, как мяч, у борта. Пока груз из трюма поднимаешь, он норовит стукнуться о край трюма, а потом — рвешь канаты, чтоб удержать его ровно. На разгрузке работа по 18 часов. Потом тянут понтоны вельботом к берегу. Доводят, куда можно. Бросают канат на берег и там солдаты тянут на камни, куда волна не достанет. Иногда трос между понтонами и вельботом рвется — ловят концы, связывают — все в ледяной воде.

Раз Плюхин на понтоне принимал груз, кирпичи в сетке. На волне качнуло, и сетка 1,5 т полетела на него, он отпрянул, но его ею же толкнуло в воду. В спасательном жилете выскочил сразу. Тут же приказом его в баню. Отогрелся — ничего, не простыл совсем.

Он любит море. Говорит об оттенках воды в разных морях. Недавно ночью был на вахте, смотрел свечение и вдруг вдоль борта — яркий светящийся шар прошел под водой, а за ним — светящийся шлейф. Вероятно, дельфин проплыл.

Раз взяли японские сети на крабов. В сетке был королевский краб — у него панцирь мягче, розоватый и весь он в комочках, в волосках, а мясо сладковатое.

По размерам не очень большой. В сетке другой был осьминог. Вынули на палубу — он передвигается на щупальцах. Глаза как человеческие, смотри. Дотронуться противно. В рукавицах его брали, и то противно. Палец к присоске приставил, присосал очень сильно. На ощупь он твердый, плотный, но может переливаться, как студень — в щель перельется. Жил в ведре. Укололи его — выпустил чернила.

Плюхин небольшого роста, неказистый на вид, рябоватый парень, но чем дольше с ним говоришь, тем больше видишь, что это интересный и любопытствующий человек. Я его впервые увидел за лебедкой, когда грузили во Владивостоке. Тогда он показался сразу большим и значительным — так ловко перекидывал грузы в трюм и управлялся с ручками управления. А тут, оказался совсем и росточка небольшого — по плечо мне.

Шторм играет. Покачивает все сильнее. Море поодаль корабля до конца видимости — серое, а поближе темно-синее и рядом в пене зеленоватое.

За обедом — бортики стола подняты. По радио — обзор газет прерывается командой:

— Продолжить большую приборку!

Луньков решает идти через пролив Литке, у берега, а сначала хотели пересечь заливы к Олюторскому мысу напрямик. Шутят, что идем через Литке специально для коров, чтоб их не укачало. А они жуют спокойно, хотя качает довольно прилично — сильнее, чем в прошлый раз, когда мне было плохо. Волны образуют глубокие впадины у кормы. У борта рассыпаются брызгами. Качка бортовая и килевая сразу. Говорят, до семи баллов будет шторм. Барограф показывает, что давление поднимается. Барограф у меня в каюте — на шкафчике. По ленте самописец наносит кривую давления.

Геннадий Гаврилович после обеда принялся за шахматы. Луньков быстро перекусил и ушел в рубку.

Берингово море встречает ветром и волной. Иногда, утром особенно, закладывало уши от смены давления. Кок Дохматский у плиты. Поставили бортики по краям, чтоб кастрюля не ездил.

Плюхин: — Командир корабля Костенко 26 лет плавает. Рассказывал, что несколько раз был в таких штормах, что надевал парадную форму — считал, что не выживут, погибнет корабль.

Осенью встают в док. Корабль ставится на стапели. Часа четыре ставят, не сразу он точно встанет. Как поставят — сразу начинают обдирать днище — ракушки, водоросли. Иногда лента водорослей через весь корпус тянется. Если сразу не ободрать и засохнет все, то становится твердым, как цемент и тогда ободрать вовсе уж трудно. Сдирают специальными скребками на палках. Пахнет неприятно под днищем, когда обдирают. Выйдешь на свежий воздух — голова кружится.

Пошли было напрямую, но пообещали циклон, поэтому повернули назад у южной оконечности острова Карачинский и зашли в пролив Литке.

На Карачинском острове много заключенных. Острова и материка не видно из-за тумана.

Отказал локатор «Дон». Ребята чинят его — меняют лампы. Стриженный парень с длинными пальцами перебирает детали, сидит у локатора, читает инструкции по РЛС «Дон». Одет в матросскую робу, погончики пришиты неумело, крупными стежками, бахилы потертые, брюки выцветшие, в пятнах краски.

Иван Васильевич говорит, что идем, как в старину ходили моряки — по магнитному компасу. Вычисляет положение корабля. Радиопеленг неточный из-за тумана.

Еще до поворота к проливу Литке, напротив южной части острова было место, где глубина неизвестна, и на карте обозначена так. Можно сесть на риф или мель. И вахтенный офицер — под суд. Иван Васильевич скрестил пальцы решеткой. Неунывающий он человек, с юмором несколько прямолинейным, но все от души. Прекрасная память. Вчера называл месяцы и дни, и годы рождения многих государственных деятелей.

В проливе Литке волна совсем улеглась, идем без качки совсем. Коровы жуют сено. Дождь, туман, берегов не видно. 18.45 встречная волна, фонтаны у носа — выше бака, пена по бортам. Море зеленое. Уже темнеет — здесь разница с Владивостоком два часа, а с Москвой — девять часов!

Был в бане. Помылись хорошо. Потом ужин — как и обед, он состоял из двух блюд и молока — неизменного в течение всего похода. Боцман везет другу в Провидения помидоры, но они переспевают, и он их скармливает нам. Питание санаторное.

Столько раз и постольку едим, и мне все равно охота есть. Постоишь на ветру, на мостике, да под дождем — и проголодался.

В столовой крутят кино. Иван Васильевич предоставил мне заказать фильм на завтра. Попросил «Волга-Волга». Бочкарев запел сразу:

— Wolga, Wolga, Mutter Wolga, Wolga grosse russisch Fluss.

Народная немецкая песня. Он цитирует Ильфа и рассказывает из польского юмора. Девушка в кафе спросила морского волка, почему корабли называют женскими именами. Тот ответил: вы лучше спросите, почему ими так трудно управлять.

Иван Васильевич Бочкареву:

— Закрой иллюминатор, сквозняк, а мы после бани.

— Сквозняк — это простой ветер, а разве ветер может быть вреден?

Бочкарев — крепкий малый, с обветренным лицом, большим носом, буйной шевелюрой, немного неуклюжий, говорит тонким, ломающимся и чуть бормочущим голосом.

По всему кораблю — запах свежесдобитого хлеба. Это наш кок-хлебопек закончил свою работу. Хлеб вкусный.

Обед и хлеб несут капитану на подносе — попробовать и в специальной тетради он пишет оценку обеда.

Геннадий Гаврилович: в прошлый поход разгружались на рейде у Матуа. Туман — ничего не видно, шли с понтоном на вельботе по магнитному компасу. Вышли к рифам — заросли морской капусты, течение. Мотор отказал — старый мотор, не унесло бы в океан! Бросили якорь, чтоб не относило, решили переждать. Обычно якорь не ценят, ругаются, когда его грузят — тяжелый. А тут его тяжесть — спасение. Бросили якорь, сидим в капусте. Вдруг рядом — второй вельбот. Взял на буксир, оттащили.

А первый раз разгружались, когда Геннадий Гаврилович впервые начал работать на «Ишиме». Накат очень сильный. Вельбот затопило. Стали откачивать воду (вельбот непотопляемый) — пошли на корабль. Там впервые видел мужество Ивана Васильевича — замполита.

Но больше всего запоминается не плавание, и не события в море, а возвращение. Когда можно посидеть в ресторане, послушать музыку, посмотреть на людей. Так впервые вернулись в Петропавловск-Камчатский, и запомнил лишь ресторан, хотя и пил очень немного, но контраст с морской жизнью и обычной сухопутной очень велик.

У него знакомая в Ленинграде. Ее после пединститута распределили в Находку. Она отказалась ехать. Поехала в деревню под Ленинградом. Глухая дыра. Он побывал в Находке — новый город у моря и написал ей, что она потеряла. А она в деревне прозябает.

Иван Васильевич: Тихоокеанский театр плохо обставлен. На мысу Наварин надо бы радиомаяк поставить — нет. Обставляют Балтику, Черное море — там маков много, а Тихий океан забыли совсем. Как было двадцать лет назад, так и осталось. Редко где поставят маяк.

Ему возразили, что, мол, здесь и судов-то не так много ходит. Он: — А рыбаки в Бискайский залив идут десятками судов, торговый флот в Провиденция.

Моряки говорят — солнце показалось — погода испортилась. В ясную погоду часто штормы.

6 августа

В 2 ночи прояснилась полоска неба на горизонте — красная, и черное с серым море, и облака, но уже без дождя. Эта полоска так и оставалась у горизонта до 8 утра. Никак не могли ее догнать.

В 8, умывшись и одевшись, выглянул в иллюминатор и неподалеку от борта увидел огромный, метра в полтора плавник касатки над водой — один плавник синевато-черный вроде бы, плавно просек волну, прошелся по воде и плавно нырнул. Выскочил на палубу, а за кормой три касатки. Вдаль прошли — вынырнули почти полностью над водой и в ряд шли, удалялись от судна.

Хоровод птиц кружит вокруг корабля — чайки, глупыши, больше сотни. Взобрался на мостик. Качает сильно. Волна 5–7 баллов. Ночью просыпался поминутно — все казалось, что корабль зарывается носом и тонет, а корма вверх идет. Когда лежишь, качка ощущается сильнее — преувеличивается все. Гляну в иллюминатор — обычная качка, а лягу — что-то жуткое.

Некоторых укачало из матросов. Дохматский жалуется на помощника — не помогает — лежит. Чувствую себя неплохо. С утра на мостике и в рубке.

Идем по Олюторскому заливу. Метеосводка — циклон, который идет нам вслед. Приняли сводку из Токио и нашу. Токио дает точнее сводки. Принимают по морзянке.

Вышел Луньков. Взглянул в окно рубки и сразу нашел кита. Я выскочил на палубу, неподалеку вынырнул из воды кит. Он круглее, чем касатка. Хвост не такой прямой и режущий. Темный он — выскочил из воды и пропал. Шел с левого борта с нами по курсу.

Луньков сказал мне:

— Слева. Сорок. Кит по курсу.

Значит по левому борту в сорока градусах.

Качает на зыби от циклона в океане. Иногда бак совсем опускается до уровня воды и вздымает брызги. Глубокие провалы у бортов возле кормы. Особенно, заметны с грузовой палубы.

Идем, определяясь без ориентиров берега. Залив огромный — не видно берега.

Иван Васильевич: служил на военном судне. В шторм потеряли якорь. Что делать? Стоит 1400 руб. на старые деньги. Боцман — сверхсрочник, пройдоха. Говорит капитану: — Дайте графин спирта — будет такой же якорь. Нашли, дали увольнение, а дело рядом с рыбацким колхозом. Через несколько часов докладывает командиру: — Якорь на корме. Рыбаки привезли, сгрузили — точно такой, как был. У них все можно достать за спирт.

9.30 солнце и волна. Небо очистилось.

10ч. Неподалеку прошел морж, с левого борта, за кормой. Огромное животное. Высунулся весь и нырнул.

11.30. Четыре дельфина резвились у самого борта, ныряли под носом корабля, переходили с левого на правый борт, шли парами, трое. Гладкие, как стеклянные. С мостика видно как они идут под водой, а потом распорют воду плавником и выскочат на поверхность — двое рядом, как представление в цирке.

Исчезли так же неожиданно, как и появились.

14.00. Еще один морж. Говорят, их здесь не бьют — оставили для коряков и чукчей, которые из них топят жир и питаются ими.

18.00. Прошли Олюторский залив. Погода прекрасная. Весь день на баке. Сгорел нос от солнца и ветра. Качка стихла, а днем швыряло. Север Камчатки — фантастика первозданной земли. За Олюторским мысом открывается гряда погасших вулканов — острые пики и гребни кратеров. В бинокль 20х видно, что края кратеров — как пилы — сплошь из острых высоких скал, точно петушьи гребни. У подножия гор фонтанами взлетает вода приборя. Я подумал сначала — киты. Плюхин сказал — приборя о камни. Издали видно — можно представить, что там творится. Ни деревца. Вечером, когда солнце садилось за один из кратеров, казалось — извержение. Наверное, так выглядит пейзаж Венеры. Горы молодые, острые, не выровнены еще. Правда, к югу от Олюторского мыса горы плоские, изъеденные эрозией, а на север — сплошь гребни.

Облака вечером на закате — все похоже на дельфинов и рыб, а большое облако плывет как кит. Краски — фиолетовые дальние горы, ближние — синие, и ярко-желтое небо. Красного лишь после заката немного, а так — желтое и голубое и море Беринга — темно-синее.

На первобытной этой земле и люди должны быть близки к первобытности. А неустроенность и суровость земли привела ительменов к осмеянию ее создателя — Кутху, о котором рассказывали непристойные истории и издевались над ним — плохо создал мир.

Днем запомнилась картина: зеленовато-серые горы в полосах снега, синее море и вдали — ровно, как по линейке вытянулся выводок белых уточек. Птиц не видно — только пунктир белых точек на синей воде, у подножья мертвых гор. Это было у Олюторского мыса.

7 августа

С утра тишь на море. Шелк и муар. Синяя вода в мельчайших отблесках голубизны, в язычках, бегущих по едва заметным перекатам воды. Розовато-серо-зеленоватые бледные горы и над ними розоватые облака. Полоса облаков — одна на безоблачном небе, и под ней море желтовато-серое, выцветшее. А рядом, где

облаков нет — синее. Контраст этих красок. А под облаками, вдали, море совсем коричневое, как пашня. Как борозды поднятой земли. Я думал это отсвет облаков. Но потом вдруг заметил, что волна от носа, под зеленым прозрачным слоем таит слой цвета жидкого кофе. Под винтами этот слой выворачивается и за кормой — ярко-коричневая полоса. Это планктон. В этом районе (близко Хатырка) любят бывать киты — планктон. Кроме того, Хатырка, хороший вход, и в нее киты заходят «опресняться» — купаются в пресной воде и с ним слезает морская нечисть — ракушки и прочие, которые к ним присасываются.

Луньков еще с вечера собирался утром сделать этюд. Показал мне сейчас — неплохо переданы краски и море. Он все жалеет, что нет кистей. Колонковые кисти свои оставил дома. Он тонко понимает краски и красоту этих мест.

Даже боцман за чаем мне сказал, что такие бывают закаты — не оторвешься — будешь смотреть.

Сигнальщик В. Коньшев на вахте на ходовом мостике. Он из Калининграда. Учился в Анапе. Парень в берете, со звездочкой, усики пшеничные, в куртке с капюшоном. Здесь холодно от ветра, хотя на корме Бочкарев в плавках с книжкой в руке загорает.

Коньшев: — Очень красиво полярное сияние. В осеннем походе видел в прошлом году. Осенью трудно разгружать. Продовольствие для Чукотки (Курилы снабжаются из Петропавловска). Холод, мороз, понтоны леденеют — скользко. Один из транспортов чуть не перевернулся — обледенел борт.

Он один сигнальщик. Трудно. После вахты в любое время — на связь его вызывают. Командир Костенко сам знает сигналы и читает хорошо, поэтому он, если сам на вахте, жалеет Коньшева и не будит — сам сигналил — проверка судов в пограничном районе.

За весь день видели только одного моржа. Много планктона. Несколько раз шли по коричнево-зеленой воде. Планктон на поверхности. Он лежит, как острова. Резко кончается и начинается. Волна с коричневым отливом, а из-под винта — бурая жижа. Потом снова зеленая вода и сразу бурая.

У вахтенных на мостике необычайно наметанный глаз. В море, где я ничего не вижу, они замечают множество подробностей. Коньшев разговаривает со мной, как будто не смотрит на море, а потом говорит, что видел много поплавок от сетей и раздавленного краба — где-то идет промысел краба неподалеку.

С утра надел все теплое — безрукавку, свитер и штурмовку. Утро ясное, солнечное. Облачка лишь над берегом, а над морем — чистое, синее. Но ветер пробирает — было в самый раз. Однако часов в 12 пришлось все снять и надеть рубаху безрукавку на майку и босоножки. В час, примерно, собрались на юте матросы, старпом Луньков, Бочкарев, который без рубахи загорал. Я остался в майке — солнце жарит, безветренно совершенно. А в 5 часов пришлось снова одеться — холодный ветерок пробирает.

Посреди дня были учения. Тушили «пожар». Иван Васильевич с видом заговорщика и волшебника одновременно, подбрасывал дымовые шашки под вельбот на палубе или на ют. Матросы быстро пристраивали шланги и заливали шашки.

«Пробоина» у первого трюма в борту в подводной части — накладывали пластырь. Раненому Коньшеву на мостике перевязывали живот и несли вниз. Рулевому голову перевязали.

Потом — помощь горящему кораблю. На правом борту шланги лили воду — радуги над морем, ровные, как шелк.

В столовой под предводительством Лунькова разбор учения. Все офицеры докладывали о ходе учения и недостатках. Оценили каждое задание. Поругали связистов — некоторые докладывали обстановку в телефон и, не дождавшись ответа «есть», вешали трубку. Четверо тянула два шланга, а рядом с этим справлялись двое. Ручное управление не выключили и пустили машину — штурвал начал сам вращаться и мог бы ударить человека — не соблюдена безопасность.

Потом, в каюте матросы собрались отдохнуть перед обедом и между собой еще обсудили учения. Видно, что их это все интересует, это не просто игра или служба, а задевает их, интересует.

Дохматский пришел ко мне со своими стихами. Ответ на стихотворное послание женщины, которое он мне тут же дал почитать. Довольно, интимное письмо в стихах, которые вряд ли стоило показывать незнакомому человеку. Ответ сделан, в общем-то, беспомощно. Есть некоторые строчки недурные, но говорить о «литературном» еще рано.

Ему 23 года. Не знает, чего хочет. Многим занимался — и в актерской студии был, и на телевидении, был в филармонии антрепренером, ездил с бригадами — концерты — это нравилось больше всего. Теперь не знает, к чему же лежит душа, куда идти учиться и пр.

Он, конечно, парень талантливый, многогранный, умный, красивый. Сейчас, когда кок занимается хлебопечением, он варит обеды, которые ему удаются лучше, чем коку. Ему все, видимо, просто дается и он избалован. И здесь он работал где-то при клубе офицеров по концертной части, пропился, и послали его на корабль. И тут он с десятком специальностей — и кок, и лебедчик, и помощник сигнальщика. Дружит с фельдшером Скрипкиным, дискутирует о литературе. У Скрипкина не лежит душа к медицине, он тоже хочет чего-то. Читают Цвейга, Бальзака, обсуждают. В общем, Дохматский рискует остаться с «ничем», в силу своей талантливости и подвижности ума.

Вечер холодный и ясный. Чукотка — острые горы сине-черные на желто-красном закате. Первозданна земля. Синие, холодные волны. И вдали — летят уточки цепочкой, пунктиром. По вечерам не видно белых подкрылков, да и крыльев не видно, просто передвигаются в воздухе черные точки. Низко над водой летят, иногда пропадая за волной, и вновь появляются. Удивительно четко соблюдают

интервалы — настоящий пунктир из маленьких точек среди огромной и жесткой природы. И видно уточек только потому, что они летят так ровно.

Около 19 прошли мыс Наварин. Высокая черная гора с зубцами скал по краю. Кедр у подножья, как одинокий человек по колени в воде. Чайки и топорки — черными силуэтами на желтом небе.

Отсюда — напрямик через Анадырский залив — в Провидения.

За вечерним чаем Луньков сказал, что получена сводка: на пути нашем — шторм 7–9 баллов.

Пока что небо ясное, волна небольшая. Но и берег недалеко, а там будет совсем открытое море.

В 22 часа миновали 180 градус, и перешли в западное полушарие. Ночь тихая — вода и воздух спокойны. Звезды. Полярная звезда почти над головой. На западе темно-красная полоса не гаснущего заката.

Свечение воды очень слабое. От носа иногда проскользнет крупная синяя искра. За кормой искр больше. Вспыхивают и плывут. А иногда, в глубине загораются синие шары и, крутясь, уплывают. Но это все отдельно и не часто. Не то, что было недавно в Охотском море, когда все горело вокруг и за кормой — целая россыпь огня.

22.30. По кораблю разлит крепкий и вкусный запах пекущегося хлеба. Работает корабельная пекарня (по коридору справа).

В рубке Луньков — прогноз 7–9 баллов. На горизонте полоса туч — синяя, над ней красная заря. Вроде бы прогноз сбудется. Но Луньков скептически. Прогноз в Провидения составляет метеоролог, который любит клюкнуть, а как клюкнет — плохое настроение и, соответственно, прогноз погоды мрачный.

Солнце взошло в 1.20 по Владивостокскому времени. Стоял на мостике. Перед самым восходом Петр Николаевич, штурман выскочил с секстаном, определить положение судна по звездам. В ясном небе догорали 2 звездочки — он едва успел с Луньковым сделать замеры. Штурман, глядя на горизонт, в трубку секстана:

— Товьсь.

Луньков: — Есть, товьсь.

Штурман: Ноль! И сообщает цифры, которые записывает Луньков. Потом определяют место.

8 августа

Никакого шторма нет. Ясное небо, синее море. Загорают на палубе. Я помахал гантелями, сидел в майке. Луньков махал 24 кг гирей, штангой в 40 кг и т. д. потом Геннадий Гаврилович снимал меня в морской форме в разных видах — со шваброй, биноклем и пр.

Утром вышел на палубу — в проходе сидят матросы на чаньжках. Посидел с ними, погрелся на солнце. Китов нет. Во второй половине дня появились горы вдали — Чукотка. Сначала голубые на голубой воде, потом стали рыжеть и сереть. Рыже-серые они, эти горы. Старые, со стертymi вершинами. Громоздятся высоко. Целый день почти шли до них. Кажется рядом, а идешь многие часы. Потом обозначился вход в бухту Провидения. Слева мыс в вечернем свете совсем черный, и кекур на страже у его подножия. Синий день. Птицы длинными цепями летят к берегу. Белый пунктир и коричнево-рыжий (какие-то птички, не разберешь). Справа — рыже-серые горы тоже мысом. Вход в бухту широкий. Слева — крохотный поселочек — 10 черных домов и маячок и лагуны. Дальше — черные горы, без растительности, сплошные курумники из черных камней по склонам. Влево уходит одно ответвление бухты, к черным горам. Вправо — бухта Комсомольская (бывшая, кажется, Св. Павла), где порт Провидения. На правом берегу поселок Урелики, где пограничный городок и стоит там Кенигсбергский ордена Красной звезды погранотряд.

9 августа

Вошли в бухту — синюю среди серых гор. Встали на якорь. Вода зеленая, прозрачная. Над бухтой высоко висел шар. Думали, метеорологический зонд. Оказалось, сегодня узнал у пограничников — американский шар-разведчик. На высоте 17 км. Наши истребители не могли достать. Висел он часов 6. Стемнело, а он все светился наверху. В БМТ (бинокль 20х) видно хорошо — прозрачный пузырь, как лампочка, горит сине-серебристым светом.

Вечером смотрели «Тихий Дон» в столовке корабля. Пили молоко, обсуждали.

Утром встал в 5 утра, местное 8. В шесть подошел танковоз-баржа и взял меня, Лунькова и Ивана Васильевича Зайцева. Поехали на заставу. Городок большой, трехэтажные кирпичные дома. Большая столовая, казармы, плац, клуб. Начальник штаба Тимошенко Иван Васильевич очень приветливый, пожилой человек, сразу мне предложил проплыть с тральщиком на острова Ратманова и Уэллен.

С лейтенантом Бутовским. Он сразу мне — свой рассказ. Хорошо, что небольшой. Поговорили. Первый рассказ. Очень слабо, газетно. Потом поехали на стрельбище. День ясный. В сопках раздаются выстрелы. Мишени автоматически поднимаются вдали. Солдаты ловко стреляют из винтовок. Молодые ребята. И старшина молодой, розовый. Учит, как ложиться и как вставать. Среди солдат один эвен из Билибинского района. Маленький, шустрый. Стрелял ловко.

По тундре шныряли зверьки вроде сусликов. Коричневые с пушистыми хвостами. Вставали на задние ноги, осматривали стрельбище. Никто в них не стрелял. Они здесь жили. На позициях тундра вытоптана, но рядом — синие цветы, мох и травка.

Где-то за горой, говорят, есть крест Эллы — дочери губернатора Чукотки, которая погибла здесь неподалеку. Вечером я пошел за поселок. Каменистая дорога привела на кладбище над обрывом. Это на стороне Провидения, а Элла на стороне Уреликов. Почти на всех могилах, где сохранилась надпись, есть слова «трагически погиб». Тут и военные, и матросы, и дети. Большинство памятников деревянных поломаны и без надписей. Другие в небрежении. Железная пирамида от жены — мужу — во многих местах прострелена — кто-то забавлялся.

На улице набережная Дежнева, в конце поселка, стоит створный знак с фонарем.

Живописная картина — посреди тротуара стоят двое. Высокий парень в пестрой рубашке, брюках и штиблетах. Рядом в рабочей одежде, замызганный, но тоже высокий и крепкий. Рядом с праздничным, у ноги стоит сетка, набитая бутылками водки и шампанского. Одна бутылка шампанского открыта и стоит у ног. Они беседуют, иногда берут с тротуара бутылку и попивают, на солнышке.

В порту, на крыше тележки крана две бутылки водки на газетке и закуска. Четверо парней выпивают и закусывают, посматривая на голубой залив и порт. Они празднично одеты по случаю хорошей погоды. Наверное, матросы с одного из судов.

К вечеру из-за горы набежали облачка — редкие, но упорные. Солнце сквозь них светило и пятнами ложилось на сопки возле Уреликов. Когда стемнело, заморосил дождь, но быстро прошел.

В окне одного из домов — серого, деревянного сушатся несколько связок унтов, и вялятся горбуша и несколько небольших рыб.

На углу, разложив на цоколе дома, старая чукчанка продает тапочки из меха нерпы, оленя, с вышивкой и бисером — пять рублей пара. Лицо в татуировке: полосы по щекам и на лбу, и на подбородке — гуще полосы. Вторая чукчанка тоже в татуировке. А городская дама-чукча в нейлоновом плаще, без татуировки любезно перевела слова старой, что та будет еще завтра торговать тапочками.

Часов в 10 вечера пришел танковоз за коровами. Под прожектором их вводили в контейнер с дверьми по торцам, закрывали, и стрелой Владимир Георгиевич (боцман) поднимал их и на танковоз, ставил. Там солдаты со смехом и шутками принимали контейнер, открывали. Корова не хотела выходить, ее тянули за веревку за рога. С Ишима десяток советчиков советовал, как лучше вести: по ребристой части пологого танковоза, не тянуть за рога и пр.

Но солдат лучше всех сообразил — взял в пригоршню овес и дал корове попробовать. Она потянулась и пошла. Ее привязали за скобу. Так четырех перевели. Пятая — Белка, самая умная корова. Когда ее подвели к борту, она дождалась контейнера, с любопытством вытянула морду и смотрела вниз, на своих подруг, которые уже мычали. Потом она спокойно вошла в контейнер. Иван Иванович: — Иди, моя Белочка, или моя хорошая, иди моя умница.

На танковозе она без понуканий, сама сразу же вышла и подошла, куда надо.

Капитан из интендантов — высокий и грузный, тонким бабьим голоском пищал солдатам:

— Привязывайте их парами, чтоб каждая корова стояла с той же, что в стойле. Они привыкли.

А когда первых перевозили и все смотрели, как на зрелище, он торопил: скорей, коров, что ль, не видали. А солдаты с наслаждением возились внизу с каждой коровой.

10 августа

С утра серо, и мелкий дождь сеет упорно. Залив, как подменили — серая вода, серые сопки за клочьями серого тумана, даль закрыта серым. Лишь у самого борта вода темно-зеленая, в тени. Спокойно, безветренно и на воде — точки дождя, мелкого и не переставшего.

Надеваю плащ с капюшоном — иду в поселок. С трапа, подвешенного к борту на цепях — на пирс. Прохожу под краном, огромным порталным. Мимо кучи металлолома справа, по раскисшей уже дороге иду к пакгаузам. Серо, грязно. Мимо них — направо ворота. У проходной женщина в морской черной шинели, ушанке и с пистолетом на ремне. Здесь вся охрана — женщины в такой одежде — на электростанции тоже. Прохожу через ворота, поднимаюсь на бугорок, по которому тянется теплотрасса, или водопровод, не поймешь. В длинном, досками обшитом ящике, по которому ходят, как по тротуару.

По лесенке перелез трубы, чуть правее — продмаг в сером доме. Вывески нет, просто дверь и лампочка. Вывеска далеко на углу — в деревянной рамке, синяя, вроде фонаря. Здесь на многих магазинах лишь на двери полустертая жестяная табличка «магазин открыт с... до...». Незнакомец и не подозревает, что здесь магазин — будет искать. Зато, на всех домах аляповатые фанерные призывы и лозунги: «Да здравствуют работники торговли!», «Претворим в жизнь решения!», «Выполним обязательства!». Никому не нужный парад.

Пересек улицы — на бетонный тротуар. Это набережная Дежнева. Свернул в один из дворов. Опять подъем по сопке на улицу Чукотскую. Там домики совсем маленькие, обитые талью. А на Дежнева — каменные и деревянные, 2–4 этажные.

Дома в потеках сажи, черных пятнах — не красились после зимы. Те, что фасадом на улицу только что выкрашены в розовую краску или желтую.

Выше Чукотской улицы — Эскимосская. Путаница антенн, видимо, радиостанция какая-то. Антенны на столбах рядом и во дворах жилы домов — времянок, обитых толем.

А потом — склон сопки и дорожка вверх, среди камней, по курумнику. Камень — гранит, серый, но по всему склону он почернел. Кое-где жалкие травки и мхи, даже цветочек розовый.

Эхо с бухты отдается удивительно четко, словно все рядом, а бухта уже внизу. Виден «Ишим» — зеленый кузнечик и кран возле него.

Вдруг зашумел ручей. Полная иллюзия, что он под ногами течет, под камнями. Но он рядом, шагах в десяти.

Выше — остатки домиков, сложенных из дикого камня. Разрушены. Печка из железной бочки, утюг разбитый, угольный, кровать ржавая. Ни крыши, ни стропил. Но выше есть домик, который сохранился лучше, даже потолок. Внутри — обит досочками, а снаружи — глыбы камня.

Видимо, давно здесь был небольшой поселочек. Непонятно, зачем селились так высоко. Может быть, здесь была радиостанция — остатки столбов и огорожено колючей проволокой.

А дождь все сеет. И бухта внахлест из тумана и дождя. Уходит теплоход грузовой — четкий на фоне сопки, с которой стекает туман.

Вчера вечером с транспорта «Кулу» под музыку сходили солдаты, только приехавшие, новобранцы. Играл оркестр, раздавалось троекратное «ура». Потом они шли к танковозу и их перевозили в Урелики.

Сейчас 13 часов, а «Менжинский» еще не пришел.

Железобетонные плиты разгружать начали утром, но недавно кран сломался, и разгрузка остановилась.

На сопке, в разрушенных домах несколько печек из кирпича — заброшены. А внизу лежат ящики, в каждом аккуратно по десятку кирпичей — как печенье привезли.

На улице. Идет высокая белокурая девица. Рядом с ней толстый коротышка-моряк в плаще. Девица:

— Вчера водки не было ни в одном магазине.

— А сегодня есть везде.

По поселку ходит грузин. В усиках, шляпе-канотье нейлоновом плаще и мокасинах. Ступает среди луж. За ним бежит грузин, попроще — в кепке. Горланно клекочут о чем-то своем, орлином и южном, по-видимому.

19 часов. Неожиданно вбежал Петр Николаевич — готовьтесь, «Менжинский» от пирса уже отошел. Придет катер и доставит вас на него. Мигом собрался, катер подошел. Прыгнул на палубу, но он еще долго стоял. Капитан ругал матроса за нерасторопность, не поставил кранцы, когда подошли к борту «Ишима».

Переправили на «Менжинского» и он тотчас снялся с якоря. Помощник командира корабля провел меня в свою каюту. Я подождал немного, потом он вернулся, посмотрел документы, определил меня в каюту к штурману. Он вбежал в одних трусах из душа. Наконец-то, вымылся. Был в госпитале — простудился и 4 дня ждал корабль в Провидения. Только ступил на борт и сразу на вахту.

В кают-компани чай в 8 часов. Два боцмана и молодой офицер — механик. Пришел старпом. Спросил, не интересуюсь ли я котиками — тогда на Командоры

надо. Тут же ему возразили, что не обязательно на Командоры. Если моржей, то можно лежбище найти не хуже Командоров. Старпом припомнил — год назад ходил с ними старичок с бородой на Командоры. Немнонов. Вездесущий. Механик Соловьев рассказывал, с каким трудом Н. Н. высаживали.

Шторм — никак нельзя подойти к берегу, а тот видит котиков и в нетерпении чуть не плачет. Корабль ждал, пока можно стало выгрузить Н. Н. Он впору был бы там остаться на острове, но неизвестно, кто его снимет. Пока погода — через несколько часов его взяли назад.

Идем на север, в Лаврентия, потом на Ратманова. Оказывается, этот корабль в Провидения не вернется... Нужно в Уэлене пересесть на другой.

Мне показали место в кают-компании, где сидел Н. Н. и рассказывал об оптике и преимуществах фотографии перед кинематографией — пустой перевод времени, денег и пленки. Соловьев привел меня в каюту, показать альбомы, сказал — здесь жил Н. Н. и спал на верхней койке. Вездесущий старик.

На палубе холодно. Встречный ветер. Северный. Еще в Провидения начался. Мрачный пейзаж — черные горы в лохмах облаков, холодное море и где-то за бело-серыми тучами мазок красного заката, который лишь подчеркивает мрачность красок, холод и бесприютность берегов. Тральщик идет быстро.

Соловьев пришел с ним из Ленинграда по Северному пути, 7 лет назад. Тогда корабль был новым и они много плавали. Теперь корабль состарился и много ходить нельзя — берегут его.

Это тема — как старится человек и корабль. Хотя Соловьев и совсем еще молодой. В трюме спят солдаты — смена застав. Офицеры тоже спят. В коридоре темно и пусто. Я никогда не был на боевом корабле. Орудия, переборки, дверь в кают-компанию с герметизацией и т. д.

Солдаты в Уэлене:

— Посмотрел последний раз на Аляску, плюнул и ушел.

— Прощай, Батуми! Пальмы шумят по всему берегу!

11 августа

Ровно через 12 часов, в семь утра были в заливе Лаврентия. Спал плохо. В каюте было холодно — одеяльце тощее, и я сразу не сообразил одеться потеплей, лег, как дома, раздевшись. Из вентиляторной трубы со свистом вырывался холодный воздух. Закрыв заслонку, но холод был удивительный. Точно от металлических стен. Проснулся в 6 утра. Вышел на палубу, когда уже спустили катер и надували понтон.

На плоском галечном берегу — поселок-застава и дома местных жителей.

В катере — боцман. Сухощавый парень, остряк и весельчак.

Наката почти нет, так, легкая волнишка бежит вдоль борта. Тихо, безветренно. Солнце. Прыгнул на катер. Большой понтон надули, спустили на воду и загрузили ящиками с продовольствием. Был там и хомут для лошади, который вызывал шутки. В катере несколько солдат с винтовками.

Отвалили. Наката не было. Понтон солдаты на берегу подтянули за канат, катер — носом к понтону. Прыгнул на понтон и на берег. Мне рассказали на корабле, что они были здесь в октябре. Такой ветер и волна, что тральщик вынужден отойти к другому берегу, под ветер. Простояли 27 суток — и ни разу не было возможности переправить понтон на берег. Ушли, не выгрузив ничего. В Провидения за голову схватились.

С Соловьевым и Клевцовым вышли на берег — в поселок. До этого смотрел, как разгружали понтон. Когда он в воде, кажется, совсем небольшим, а тут вытащили из него целую гору ящиков, коробок с кинофильмами. Стали проверять по списку, что сняли: картошка, огурцы, в ящиках — молоко, томат-паста, уксус и т. д.

Пошли мимо заставы в поселок. Под ногами галька. Идти трудно, несколько домов свежеекрашенных в голубой, чистенькие. Рядом кирпичами выложены 3 клумбы. В одной мелкие листочки салата, в двух — ничего еще не взошло.

Потом обширная плоская пустошь. Слева аэродром — несколько вертолетов и самолеты «Аннушка». Вдоль пустоши бетона дорожка и по обе стороны от нее на трубах фанерные щиты с цифрами и процентами и призывами выполнить, перевыполнить, воплотить. Люди, наставившие их, не подозревали, как нелепо выглядят эти щиты здесь и как они неуместны. Затем, по трубам отопления и водопровода, укрытым в короба, вышли на центральную улицу. Здесь двухэтажные дома, за болотцем, заросшим осокой. К ним ведут выгнутые мостики. Дома покрашены в светлые краски — розовые, голубые, чистые. Каменный двухэтажный дом бытового комбината, в котором изготавливают все — от рукавиц до зверобоя, который зовут здесь «чукотский коньяк».

День лепый. Отовсюду виден залив и на фоне зеленовато-серых сопок транспорт, который разгружают баржами и наш тральщик. Соловьев все хотел зайти в книжный магазин — там работала хорошенькая продавщица из Кисловодска. Но магазин закрыт. На стене объявление или призыв: «Не бить самок китов с детенышами». Единственный относящийся к делу и месту призыв.

Обратно шли по берегу. Прозрачная холодная вода, легкий шепоток прибоя. В воде — огромный, с круглый стол позвонок кита, вымытый и белый, вросший в гальку.

Механик: — Если хочешь спать в уюте, спи всегда в чужой каюте.

Море любит сильных, а сильные любят покушать.

Объявление по корабельной трансляции: «Электрики, мотористы и сводная команда — на чистку картофеля».

Солдат выгрузили. Зашли на заставу. Кабинет начальника — стол, железная койка и сейф, да карта Магаданской области. За решеткой, на окне виден на соседнем доме, на крыше ящик с зелеными листьями — это редиска. Созрела, говорят.

Отошли от Лаврентия часов в девять. Легкие облачка, которые были с утра, ушли к горизонту. Синее море, зеленая дорожка за кормой и вдали остались сопки с фиолетовыми облаками, а небо чистое до горизонта. Слева поселок, довольно большой по местным понятиям и чистый внешне. Вышли за мыс, и сразу открылась даль — слева мыс Дежнева (здесь говорят Дежнёва), а по курсу — виднеется вдали остров Ратманова — синий бугор на ярком море и справа от него какая-то точка. Сказали, будто, это американское гидрографическое судно, которое в этом районе шныряет под прикрытием военного ледокола. Позже оказалось, что это крохотный островок недалеко от островов Диомида.

Я был на юте — снимал, смотрел. Там всегда толкуются солдаты и матросы.

Пригласили обедать. В кают-компании на стене против входа — картина — морской бой, вроде бы Чесменский — старинные фрегаты. Только принялся за борщ, вошел матрос и доложил, что слева по борту много моржей. Капитан сострил, что гнаться за ними не собирается, разве если они сами на борт придут. Я побежал на бак. Там уже стояли матросы с фотоаппаратами. Рассмотрел не сразу — слева, довольно далеко от корабля в море — фонтаны брызг и коричневые туши, переваливающиеся в воде. Несколько групп моржей то появлялись, то исчезали. Потом неподалеку от корабля вынырнуло несколько зверюг. А справа — целое семейство резвилось, пока мы не подошли совсем близко — тогда они скрылись под водой.

Слева синел мыс Дежнева. Над ним курились облака, прижатые к горам. Отсюда все кажется плоским и облака полосами прижаты к горам. Пятна снега издали видны, как всюду здесь в горах. А море спокойное, и совсем тепло на солнышке.

Объявили учебную боевую тревогу. К сдвоенным орудиям, в башни уселись матросы. Совсем молодые ребята, мальчишки. И со стороны все кажется игрой — такие детские лица смотрят из-за брони. Башня легко и плавно крутится вокруг оси, пушки сами поднимаются вверх и опускаются. Потом облачились в противоатомные костюмы, противогазы.

Остров Ратманова все ближе. Видны уже скалы и снег на берегу, и островок поодаль вырос, а между ними показался чуть заметный голубой конус, полого уходящий в море справа, и слева полого, вытянутый по горизонту — это Аляска.

Живописны скалы Ратманова. Когда стали подходить к его западной части, открылся изломанный камень на мысу — раздвоенный сверху, а на вершине обрыва справа же — нечто, вроде, замка — каменная корона из скал. Остров высоко поднят над водой, но вершина его плоская, зеленовато-желтая. Наверху — тундра, болото. Посредине — два крутых склона к воде и в этом распадке слева белеет щит маяка. Мне показали, но я не сразу смог рассмотреть домики на скале повыше маяка. Остров, кажется, совсем рядом, но, взглянув на домики, видишь, как до него далеко. На рейде уже стоял «Корунд». Я думал, что пересяду в Уэлене, но мне

предложили пересечь на Ратманове — сойти на остров и дожидаться понтона с «Корунда». Собрал вещички, завернул документы в непромокаемый мешочек, а аппараты в плащ. Было видно, как волны бьют о камни на острове. Сошел в катер. На понтоне груз и понтонеры. В катере солдаты. Подошли к острову — навстречу катер с «Корунда» и пустой понтон за ним. Удобный случай. Катера встали борт о борт в море, я перескочил и стал жителем «Корунда». Волна небольшая, но у трапа катер поднимается и опускается метра на полтора. Дождался, когда поднимется, вскочил. На палубе ко мне подошел командир корабля, капитан 2 ранга Дерменев Дмитрий Петрович. Среднего роста, полнеющий, очень располагающий к себе человек, с улыбкой и откровенностью. Познакомил меня с помощником Томчаком Даниилом Игнатьевичем. Тот выше, несколько насуспен — сросшиеся брови. Дерменев предложил мне сойти на остров. Тут катер подошел, который помог «Менжинскому» — взял понтон солдат для высадки. Я оставил уже вещи в каюте замполита, которую мне определили. Прыгнул в катер, пошли. Остров все ближе. Четко видны домики, прилепленные наверху к скалам. Возле них идет вниз, до самой воды зеленое пятно травы — яркая зелень, а слева и справа — скалы, внизу, куда приставать — камни. Волны то утихают, то поднимаются и выбивают о скалы фонтаны брызг. Наверху у домика сидят штатские — женщина в яркой красной кофточке и мужчина в сером. Это работники полярной станции. Они здесь уже три года.

На воде у самого берега почти — спасательный круг. Его начали ловить багром с катера. Долго маневрировали, уцепили, вынули из воды трос, который привязан к кругу, а сам круг на якоре. Трос передали на понтон и отпустили канаты понтона. Матросы, перебирая трос руками, стали тянуть понтон с солдатами к берегу. Вот он ткнулся в камни. Бросили канат на берег, и солдаты стали вытягивать понтон на камни. Накат небольшой, но волной здорово поддает в корму понтона. Солдат и понтонера, сидевшего сзади — с ног до головы обдало.

Они в спасательных жилетах — надутых, красных. У понтонера от противохимического костюма брюки вместе с бахилами, может по грудь в воде быть. Солдаты быстро попрыгали. Здороваются со своими, обнимаются, все знакомы. Потом понтон опять подтянули к катеру — взять солдат с него, и тут выяснилось, что больше с «Корунда» катер не пойдет — мне придется с острова просить катер «Менжинского» доставить меня на «Корунд». Не хотелось просить, и я отказался высаживаться. Потом оказалось, что наш катер еще раз ходил через три часа на остров. Так я и не попал туда.

Одновременно почти подошел понтон с «Менжинского». И тут как-то переплелись тросы нашего понтона и того. Трос мог попасть в винт, поэтому двигаться нужно было очень осторожно. Но волны и ветер несли нас на скалы. Понтонеры веслом пытались подтолкнуть трос вниз — ничего не выходило. С другого катера и понтона кричали советы. Наш командир катера рулил, как мог, спасая винт и катер. С понтона нашего уже спрашивали — не может ли катер оттянуть нас от берега. Положение критическое. Тросы совсем переплелись — путаница и нас все ближе несет к берегу, где веером брызги над черным камнем. А выше, на фоне неба скала, похожая на идола с острова Пасхи — плоская, с длинным носом. Наконец, наш командир решил перерезать трос — самое простое решение, которое никому в голову не приходило. Попросил у солдата штык, трос перерезали, вывели из-под катера, перекинули поверху к соседнему понтону и понтонер «Менжинского» связал концы. Мы освободились и пошли к кораблю.

«Менжинский» ставил новый состав застав, а «Корунд» снимал старый. Так делается каждый месяц.

Отошли от острова. Из-за скалы выплыл обрывистый берег — это остров Крузенштерна, уже американский, до него, примерно, 5–7 км отсюда. А пролив между островами 3 км. И снова конус горы на Аляске. Солдаты с заставы Ратманова рассказали, что ночью виден свет на вершине горы на Аляске. В бинокль виден купол обсерватории и огни поселка. Там станция слежения за спутниками, видимо, наблюдения за нами. Оттуда запускают шары.

Начальник заставы острова Ратманова Игорь Иванович Уваров высадился к нам последним, и мы сразу ушли от острова. Причем, при отходе была объявлена боевая тревога. Задраили все двери и я долго не мог выйти на палубу, пока не нашел хода на мостик. С Уваровым разговорились на палубе, когда шли к мысу Дежнева, на Уэлен. Среднего роста, сухощавый с живым лицом, чем-то похожий на Сашу манерой говорить. Он уже семь лет на севере, в этих местах. Приехал сюда из Молдавии и прижился очень. Долго был в Уэлене. Теперь на Ратманове.

В бинокль видно поселок американцев хорошо. Показали мне снимок через БМТ — хорошее здание школы на самом берегу и несколько хибар на сваях — ничуть не лучше, чем в наших поселках. Там живут рыбаки, охотники. Одновременно они несут пограничную службу — национальная гвардия. Специально военных пограничников на острове нет. В проливе — смена дат. У нас воскресенье, а у них суббота — топятся бани. В Рождество видно в бинокль, как в школе горят огни елки. На восточной стороне острова есть остатки эскимосских или чукчанских жилищ. Они строили их не из китовых ребер, как наши чукчи, а из камня. Низкие строения с маленьким входом — надо лезть почти ползком. Там Уваров нашел костяные иглы, костяной наконечник копья. В Уэлене работали археологи, а на Ратманова еще не забирались.

Снег сходит в конце мая, начале июня. Тундра зеленеет. В июле она желтеет — трава гинет в болоте, переставается. Сейчас уже мало ягоды — шикша, морошка, грибы — подосиновики, сыроежки. Идти по щиколотку и по колено в воде. Солят грибы. Хорошая охота: бьют топорков, когда нет уток. Их мясо, как утиное.

— Эх, забыл я взять чучело топорка! — солдат сделал. Хотел дочери подарить.

Около маяка две могилы солдат, погибших на острове. Говорят, от аппендицита. Выяснить их фамилии не удалось. Могилы привели в порядок, а кто похоронен — имени нет.

Случай аппендицита был прошлым летом. Хорошо, что рядом проходил гражданский транспорт. Подошел к острову, сняли солдата — в Лаврентия. Там хорошая больница. Хирург сказал: — Еще 2–3 часа и все, было б поздно.

Срываются с обрывов, со скал. Несколько лет назад двое солдат пошли в дозор. У одного валенки оледенелые — в тепле отсырели, а потом на улицу. Шли по краю обрыва по обычной тропе. Один поскользнулся и поехал вниз, а ниже — площадка. Он не стал особенно тормозить — думал, на площадке удержится. С разгона проскочил и площадку. Снял автомат, стал тормозить, а там отвесная скала 300 м падает. Зацепился ремнем о камень — повисел немного, опять сорвался и летел до самого берега. Сломал кости таза, голову разбил, лопнул мочевого пузыря. Второй

солдат — на заставу. Пришли, сделали носилки, отнесли на заставу по скалам. Солдат был спортсменом, очень сильный парень, чемпион по бегу. Когда пришел самолет, и его хотели нести — он: — Не надо, сам дойду. Встал, сделал несколько шагов и упал. Летчик вылетел в нелетную погоду из Лаврентия. Ветер больше нормы, посадил на острове самолет, вернулся. Ему выговор за самовольный вылет, но солдата спасли. Зашили, даже пластиковых заплат наставили. Живет сейчас в Свердловске, на Урале. Окончил институт, женился, есть дети, но здоровье неважное.

Еще солдат сорвался со скал — разбил голову. Тоже выжил. Но были случаи, когда не находили сорвавшихся.

До Ратманова, Уваров был в Уэлене. Исколесил всю тундру пешком и на собаках. Охота очень хорошая, рыбная ловля. И сейчас договорился насчет вельбота в Уэлене — должны были за ним зайти на Ратманова, за рыбой идти, да пришел «Корунд». Несколько раз бывал у памятника Дежневу. Там от тундры спуск пологий 1,5 км. Ниже памятника и могилы Дежнева, на которой крест с косыми перекладинами — полярная станция. На ней живет несколько лет уже старик, который не хочет никуда больше уезжать — рыба, охота, тишина. На Ратманове супруги полярники живут уже три года. В этом году их должны сменить.

Раз Уваров в сильный шторм шел на корабле в Уэлен. К поселку подойти нельзя, а неподалеку накат меньше. Капитан — ссадим тебя, дойдешь пешком (а Уваров только недавно приехал). Сначала, хотел было пойти, но потом раздумал, хоть и было всего 20 км по тундре. Потом увидел, что не прошел бы.

Еще один лейтенант с заставы Уэлен рассказал, что зимой особенно трудно. Там есть Долина Смерти — два распадка, сходящихся под углом, и в них встречаются ветры, и туман часто. Двое пограничников пошли в свободный день на полярную станцию, предполагают за спиртным, хоть точно и неизвестно зачем. Прошли полпути, там обогреватель — изба с печкой и едой. Отдохнули. Поднялся ветер и туман. Один говорит — вернемся. Второй — прошли полпути, чего ж возвращаться. Пошли дальше. В тумане не заметили, как вышли на край распадка. Поскользнулись — вниз соскользнули в эту долину. Там ледяной ветер и туман. Испугались неожиданного падения. Пошли все же. Первый выбился из сил, второй его оставил, говорил — найду полярников, возьмем тебя, а нести его не мог — сам очень устал. Он дошел до полярной станции — недалеко была, пошли на поиски — не нашли — ночь, туман. Вызвали вездеход. Утром нашли первого — замерз.

Ездят в дозор, если очень холодно — в чукчанских малицах, торбазах поверх солдатской одежды. Тепло, но голову не повернешь — смотреть трудно. На заставе много пережитков еще у чукчей. Недавно сородичи вынудили одного коммуниста чукчу убить старуху мать. По древнему обычаю она попросила сына убить ее — очень стара. Он отказался. Тогда сородичи пригрозили, что не будут с ним зняться, изгонят его из своей среды. Пришлось ему выполнить просьбу матери. Взял копье, старуху попросил закрыть чем-то — пологом, шкурой, фартуком. И не глядя, несколько раз ткнул копьем. Убил мать. Его исключили из партии. Но как судить? Обычай. Не стали судить, но сняли отовсюду.

Есть вражда между чукчами и эскимосами. Эскимосы стремятся на руководящие посты, оттесняют чукчей на простую работу.

Чукчи очень добрый, наивный народ и хорошие люди. У незнакомого чукчи можно попросить денег в долг — все отдаст и не спросит возврата. Одно плохо — спиваются. В Уэлене покупают портвейн, пачку зубного порошка, смешают — пьют. Говорят хорошо. Водку любят. Спирт — нет, от него голова болит.

До сих пор едят мухомор — порошок. Наркотическое действие. Чукчи рассказывали, что когда выпьешь мухомор — видения бывают, будто тыходишь в оленя и живешь внутри, ходишь по нему, вылезает из рогов. Чукчей осталось немного. Кровосмешение есть. Во время пьянок спят все вместе — сын с матерью, отец с дочерью, брат с сестрой. Бывают и браки близких родственников — брат-сестра. Они чувствуют вырождение. Раз на заставу в Уэлен пришел чукча и просит дать солдата к своей жене, чтоб ребенок был от русского. Но и ревнивы есть. В Уэлене же недавно чукча ушел на охоту, вернулся, а жена — с другим. Он едва не убил жену — голову ей разбил. Его будут судить.

На «Корунде» вечером, в 10, подошли к Уэлену. Катер, понтон. В ночи идем к берегу. За рулем Томчак — помощник командира корабля. Обычно в трудных условиях правит помощник капитана. Так на Ратманове.

Справа — огни «Менжинского». Вдали две красные точки костров — потом узнал — жгут солярку, там разгрузка транспорта, который стоит дальше «Менжинского» на рейде.

Полумгла — не темно и не светло.

Уэлен на низкой галечной косе. Слева — обрыв горы. На нем, с краю у поселка, маяк — прожектор на вышке крутится, освещая то часть берега, то втыкается лучом в глаза.

Волна есть, но небольшая. Накат небольшой пенится вдоль берега. Там видны дома. Один двухэтажный, второй строится, тоже два этажа, деревянный. Прямо перед нами две вышки и длинные одноэтажные бараки — застава. Когда подошли ближе к берегу — видна группа солдат и местных жителей, девиц. И тут же белеет скелет небольшого кита. Видимо, касатка. Череп — мордой в воде, а на берегу огромные ребра. Челюсть узкая, зубатая.

Понтон обычным способом, по канату подтащили к берегу от буя, к которому прицеплен конец каната. Мне дали спасательный жилет, красный, резиновый. На груди две трубки с пробками. Надул, застегнул ремешки на груди и животе, прыгнул в понтон. Волна не велика. Не перехлестывала. Понтон ткнулся в берег у головы кита. Спрыгнул. Солдаты уже ждут. На понтон сначала погрузили ящики. Всего на три рейса рассчитали. У меня больше часа времени. В толпе солдат — небольшая девушка чукчанка, в пестром плащике, косички, пушистые волосы, бледна и миловидна. Около нее четыре солдата — прощаются, шутят. Она обещает, что закажет кому-то шить что-то — шапки вроде бы из шкур. Солдаты вернутся через месяц.

Поодаль еще девушки — шесть или восемь. Все небольшого роста, хрупкие, с бледными лицами не без косметики, одеты вполне современно. Я подошел к ним. С краю девушка в очках, пальто. Она работает в детском саду. Не знает, где

косторезная мастерская — недавно здесь. Детсад закрыт — ремонт, да и дети больны — чесотка и др. У девушки продолговатое, хоть и явно, монгольское лицо, бледная кожа. По-русски говорит без акцента. Другие более монголистые — лица шире, но все очень кокетливы. К ним иногда подходят солдаты. Мальчишки чукчи бросают в девиц камушками — те визжат и бегают от мальчишек. Но солдат у них немного, да и те отходят быстро. А чукчанка в плащике окружена плотным кольцом солдат, а потом рядом с ней появился парень чукча в пальто с шалевым меховым воротником, без шапки. Она была в центре мужского внимания и остальные ей явно завидовали. Спросил у чукчи, насчет скелета — он сказал: — кит, лежит здесь давно. Возможно больше года. Подошел к киту — в воде еще полощутся лохмотья жира и прочего. Спросил солдат, не научились ли, есть копальку. Смеются. Разговорились. Это после того, как я сходил в поселок и девушек попросили уйти. Пока были девушки солдаты так возбуждены, что им не до разговоров с незнакомцем.

Чукчи по-разному относятся к культуре. В отряде один чукча до сих пор не любит мыться, хоть и молод. В бане чуть сполоснет руки, брызнет на себя и скорей оттуда. Другой совсем как русский, чистый, моется. Отчасти неприязнь к мытью объясняется тем, что когда впервые предлагали чукчам в баню — они с любопытством и удовольствием мылись, но после бани, распарившись, шли, распахнувшись по морозу — простужались, болели. Отсюда страх.

Пошел в поселок. Поднялся по галечному берегу, за полосу прибоя. Дома заставы. Вышел в поселок. Бросился в глаза столб рядом с сараем, не то домишкой — рядом с заставой. Подошел ближе — это ребро гигантского кита, врыто в землю. Высота метра три с лишним. Белеет в ночи. Растрескалось уже. Старое. Отломил кусочек. Поселок в одну улицу по косе. За косой — лагуна. Домики беленые, довольно аккуратные. В двухэтажном — школа. Миновал новостройку и школу. Они на краю поселка. В начале улицы, на пригорке огромный таз и позвонки кита. Видно, очень старые, вросли в гальку. Белеют в ночи. Таз мне по грудь. Тут же — ребра. Раньше тут ловились гренландские киты. Это остаток былого пиршества. Сейчас таких гигантов уже не ловят. Солдаты рассказали, что китов привозят к берегу, выволакивают тракторами на сушу, цепляют канатами, и тракторы раздирают тушу, которую подрезают чукчи. Трактором тащат мясо и жир по берегу и детишки чукчи любят кататься на этих кусках мяса. Насядут — все в крови и жире — рады, едут. Любят есть кожу кита с тонким слоем жира. Жир топят, мясо — копалька.

В окнах домов — свет, но на улицах безлюдно. Только собаки. Есть огромные. Ходят, лежат. Около некоторых домов по десятку собак привязано, ворчат между собой. Раздается лай и вой. К людям относятся мирно. Ни одна на меня не залаяла. Спокойны. Зимой же небезопасно. Собаки голодны. Мне рассказали случай, когда собаки сожрали девушку. Напала стая. В Лаврентия на старуху-сторожиху напали на аэродроме. Она в тулупе — изодрали и ее покусали, но одежда спасла, отбили ее.

Вой все усиливается. За спиной он стал ужасен, с кошачьим сходен, но сильнее в сотню раз. Видно, целая свора завыла. У некоторых домов в землю всажены огромные ребра кита. По четыре ребра, а между ними — веревки, видимо, сушат сети на них. Возможно, на них было и что-то вроде верфи. У одного из домов я видел на столбах уже, а не на ребрах верфь. На настиле, поднятом над землей, верней на жердях — остов строящейся лодки, которую потом обтянут шкурами.

Поселок протянулся далеко по косе. Я прошел едва треть и свернул на берег моря. Пасмурно, темно. Небольшой накат шумит галькой. Ветер с моря довольно прохладный, но не ледяной. Лето все же. Пошел к заставе у самой воды по гальке. На камнях — старуха чукча. В пестром сарафане, обитом по подолу мехом и с рукавами. На ногах торбаза меховые. В руках леска, идущая в море.

— Есть рыба? — спрашиваю. — Нет.

Рядом с ней камень — грузило, перевязанный веревкой. Ни одной рыбы. Ловят сеткой. Пустой берег, ночь и старуха с леской, уходящей в серо-черные пенистые волны.

Вернулся к солдатам. Девушек уже нет. Их и мальчишек, видимо, попросили, а может и сами ушли.

Я сначала, когда собрался в поселок, подошел к вельботским чукчам — ворота на берегу ведут к неогороженным лодкам. Длинные белые лодки. Мотор посередине. Сети в них, весла. Пограничник с вышки меня окликнул. Я сказал, что с «Корунда». Он думал, что местный, поэтому окликнул.

Чукчи охотятся на уток в лагуне, спрятавшись в черепае кита.

Солдаты рассуждали насчет романтики и трудностей. Один говорит, что нравится север, хоть и трудно. Другой — не нравится, скорей бы домой. Сначала необычно все и красиво, а потом надоедает.

Подошел понтон. Мне дали жилет. Опять надул его, застегнулся, прыгнул в понтон. Оттолкнулись от берега. Катер с массивной фигурой Томчака. Пересели с понтона на катер. Последние солдаты. Упустили багор. Черт его отыщет в ночи. Уже двенадцатый час ночи. Рядом солдат чукча — увидел. Показывает, где багор. Убей, не вижу. Берег, буи видны, а багра нет. Но Томчак повел катер — тоже видит. Несколько раз багор прошелся рядом — не достать. Потом его схватили, достали. Пошли к кораблю.

На палубе, под прожектором все собрались на юте, не смотря, что уже полночь. Встречаются знакомые с разных застав. Матросы пересчитывают жилеты. Кто-то прощается с морем и пальмами.

12 августа

Часа в два ночи проходили мыс Дежнева. Я не ложился спать — думал, увижу памятник. Но было пасмурно, серо и темно. На палубе со мной стоял лейтенант из Уэлена. Также ждал памятник. С земли видел и рядом был, а с воды ни разу не видел — все ночью проходит. Он рассказал много из того, что записано перед этим о чукчах и прочем. Спросил, есть ли случаи попыток перехода с американской стороны к нам. Нет. Только от нас — туда.

Долго шли к мысу. Холодно. Я ходил в каюту греться, хотя, одет тепло — свитер, штормовка, сапоги.

Наконец, на берегу яркий свет, ровно горит, а левее и ниже — точка света, видимо на полярной станции. Фонарь на вершине памятника Дежневу. Его не видно — только свет. Раньше все приветствовали его гудком. Сейчас лишь некоторые. Всегда — лишь гидрографические суда.

И думалось о Дежневе, и как он шел здесь, в диком мире и море, без локаторов и прочих премудростей.

Был ветер и волны, но не очень. К утру разыгралось. А днем был шторм. Тральщик болтало — килевая и бортовая качка. Утром на ют вылезли из кубриков и трюмов солдаты — зеленые, осунувшиеся. Многие совсем не переносят качки.

Тральщик вызвали зайти в Янракыннот взять четырех офицеров. Туман, дождь, волна. Подошли. Приказано готовить катер. Понтон спустили. Я тоже хотел идти к берегу. Сквозь туман виден черный берег и пена наката — брызги и фонтаны. Дали белую ракету. Вышли на связь. Оказалось, офицеры в поселке. Командир решил не ждать их, да и опасно пускать катер по такой волне. Подняли понтон. Ушли в Провидения. Шторм все крепчал. Я вышел на верхнюю палубу, стоял за мостиком. С левого борта брызги зашибало до меня. Носом зарывался в пену корабль. Глубокие провалы и горы воды. И чайки летают. И мелкие птички ныряют в воду, когда очень большая волна. Передали, что шторм будет 8–9 баллов. Меня совсем не укачивало. Обедал нормально. Правда, все время спать хотелось. А когда лежишь, волна кажется страшней. В каюте какие-то скрипы, что-то бьется, щелкает. Совсем иные звуки появляются при качке.

Я спал, потом, на палубу — снимать волны. Дождь все время. Лишь к вечеру вдруг туман и дождь стеной ушли к берегу, и открылся закат — красный над стеной тумана. И очистилось небо над морем и там — красные слоистые облака вдали. А закат — желтый и красный.

Матрос рядом — красиво, но сейчас не до красоты. Сначала замечали, какой закат и цвет моря, а теперь — только работа. В море видишь лишь то, что нужно. Этот парень родился в Сангаре, на Лене. Расспрашивал у меня, каков этот город — он после рождения уехал, и не был там. А перед этим я в кубрике по просьбе командира беседовал с матросами. Рассказал о работе журналистов, о газете и издательстве, о Москве. Много вопросов. Хорошо поговорили. Все матросы меня и узнали так.

И все ж мы проскочили самый шторм. Менжинскому, который шел за нами, пришлось отстаиваться в бухте. А мы шли к Провидения.

13 августа

В 6 утра были в Провидения. Ясный день и ледяной ветер северо-восточный, с гор. Ярко-зеленая бухта и серые горы. Я встал, когда солдаты на барже уезжали. Их срочно снимали. Многие даже на якоре не могли быть — качает. Мне предложили остаться, к 9 шли на заправку горючим — к пирсу на стороне Провидения, в конце

бухты. Остался. Писал до 9-ти. В 9 снялись к пирсу. Долго не могли пристать кормой. Потом распрощался с командиром и на катере — в Провидения.

«Ишим», как дом родной. У трапа на вахте Конышев. Зашел к Лунькову. Бросил сумку, взял аппараты и на берег. Пошел к кладбищу. День ветреный. На солнце +4. В самый раз — во всем облачении. Но в заливе тепло.

Подошел к дому под антеннами — там колокол над крутизной. Медный, позеленевший. Орнамент и лики угодников с двух сторон. Поверху надпись вязью: «Благовестуй земле радость велию хвалите небеса божию славу». А по низу, по кромке: «Лит в заводе потомственных почетных граждан П. И. Оловянишникова сыновей в Ярославле весу 10 пуд. 6 фунт».

Как его занесло в такую даль?

На самом краю внизу могила неизвестного моряка — на каменном холмике ржавый якорь и цепь. Сине-зелено-фиолетовая вода залива, спокойная и яркая среди серых и черных гор с полосами снега. Ушел за кладбище, на курумник.

Устроился среди камней под ветром и созерцал безмолвие. Вправо уходило второе крыло залива и там громоздились вдаль горы с облаками над ними и пятнами солнца, и снега. И только снизу шумел прибой — больше никаких звуков. Моторка прошла у берега внизу, но ее не слышно, только видно.

Потом полез выше по камням. Ровное место со скудной травой и жалким кустиком багульника. Лег, и сразу резко запахло багульником. Запах исчез, но стоит пошевелиться — он снова. Потом выше полез. Остатки старых укреплений, видимо, с войны. Камнем выложены и забетонированы площадки для орудий, блиндажи по склону, в несколько ярусов, потом гребень скал и под ним — порт и «Ишим» как зеленый стручок.

На самой вершине камнем обложена площадка. Далеко видать оттуда. Назад пошел, да перепутал тропы. Принял за тропку русло весеннего ручья. Когда понял, подниматься было поздно. Пошел по осыпи. Из-под ног камешки, скользят ноги и крутой склон. Ободрал ботинки. Спустился.

Выходной день. На горе компания выпивает — поют песни, дети играют в камнях, ручей.

Топлива набрать нельзя и выход отложили на понедельник.

14 августа

С утра холодно +4, а днем +12 с сильным северным ветром. И в каюте холодно. Подошли к топливному пирсу. Весь день протолклись в бухте. Ушли только в 19 часов. На обед закуска — нерка. Рыба с ярко-красным мясом, малосольная. Необычайно вкусна и нежна.

Днем ходил отметить командировку в редакцию газеты «Полярник». Желтый домик за почтой. Печатная машина, рядом — наша редакция. Две. Замучились

делать газету. Третья пришла позже. С порога сообщила, что принята в московский кооператив. Большие, подведенные глаза. Над столом — высохший лист пальмы. Расспрашивали про Новый Арбат. И я видел, что им тоскливо и сладко говорить о Москве. За окном бухта и черные горы в снегу.

15 августа

Мыс Наварин прошли только в 17.30. Через Анадырский залив шли трудно. Едва вошли в него вчера вечером, остановилась одна машина — сломалась помпа насоса пресной воды. Шли на одной машине — 7 узлов. Прогноз — шторм 8–9 баллов. Утром +4, днем +6. шторм 7–8 баллов. Черная вода и белые гребешки летят по ветру. Когда выглядывает солнце, брызги над волнами светят радугой. Над гребнем — полукруглые радуги.

В 18 часов у Наварина вдали фонтаны китов. Стадо с десятков. Но самих китов не видно. Сначала по курсу, как взрывы. Неожиданно из воды облачка брызг и пара. Потом киты ушли в Анадырский залив. Здесь волна меньше и почти не качает уже. Луньков обещал штиль.

А днем бросало здорово. Баллов 5 волна. Пустое судно вертело, как помело. Нос то в небо, то зароется в воду. Качка всякая. Ночью в умывальник упала паста, щетка. В обед суп норовил вылиться из тарелки — все время придерживал край. Стоял на мостике — провалы волн. Ни признака морской болезни. Иначе, я пропал бы. Долго быть на мостике невозможно — час постоишь — ноги мерзнут. Иду в рубку. Там Луньков угощает воблой астраханской. На колонках стрел высоко вялится балык. Мичман обещает мне дать. Море черное, серое, а у самых гор — зеленая полоса и все в белых барашках.

Девять вечера — ледяной пласт зари. Ледяной ветер. Ледяное море. И черные, голые горы справа в тяжелых тучах. Ни искры жизни на них. Только черные птицы чиркают крылом этот лед.

21.15. Боевая тревога. Задраивают иллюминаторы.

23.00. «Дон» вышел из строя. А берега низкие, плохо видно.

16 августа

Ночью и днем шторм 7–8 баллов. С утра небо в облаках, море серое, +6. Лишь над берегом светлая полоска. Берега пестрые от солнца и теней облаков. Они как в раме серого моря и серого неба — узкая полоска цвета. Чем ближе к Олюторскому мысу, тем острее вершины гор. Рисунок меняется резко от Чукотки к Камчатке. Можно увидеть линию смены рисунка где-то в середине между мысом Наварин и Олюторским. Ветер холодный, качает, но ребята делали зарядку с гирями и на снарядах. Мерзнут ноги и нос. Ветер холодный.

В пейзаже есть что-то библейское.словно после сотворения мира, когда стало море и твердь земная, но жизни еще не было.

Жизнь появилась в 15 часов. Стаи птиц по курсу. Черные птицы, закопченные, а видом — чайки. Я стоял на носу. По корабельной трансляции мне Луньков сказал, и я услышал через репродуктор на рубке: — «Николай Владимирович, по правому борту моржи или тюлени». Совсем рядом с бортом резвились три огромных зверя — ныряли, фыркали. Довольно долго были рядом — я снял на черную и цветную пленку.

Немного погодя мелькнула туша еще одного зверя. Потом недалеко от борта — лаковая голова черного тюленя — выскочил, посмотрел и скрылся.

18.00 событие. Лопатин заметил вежу. Я был в каюте. Вдруг машина застопорила. Смотрю в иллюминатор — крутимся на месте. На мостике увидел шест — торчит с обрывком флажка и розовый шар. Долго маневрировали, пока подцепили. Все мимо проходила вежа. Гадали — с крабами, с рыбой, японская. Кто-то уже видел корзину под ней. Вынули — связка канатов и камень, да шар с переломленным бамбуковым шестом. Шар оставили — наш, «Запрыба». Перед этим, только что ржавчину суриком покрасили на бортах. Боцман сетует: «Только покрасимся, обязательно что-нибудь случится и матросы перемажутся. То корейцев поймали, то японцев, то эта вежа — всегда после покраски!»

Старший лейтенант Геннадий Гаврилович Пешков первый раз участвовал в рейдовой разгрузке в бухте Наталии. Шли на вельботах с овощами. На первом Зайцев И. В., за ним — Пешков. Командир указал место, куда пристать. Зайцев подошел, но приставать не стал, пошел дальше. Пешков заметил, куда он хочет пристать, и пошел тоже к тому месту. Зайцев подошел к берегу, и тут зыбь усилилась, и прибоем его посадило на мель. Следующая волна залила вельбот. Зайцев весь в воде ледяной по грудь. Вельбот засел на мели. Пешков пытался его снять — бросил конец, не удалось. Подошел корабль. Конец троса с него подвезли на вельботе, зацепили Зайцева, сняли с мели (вельбот непотопляемый). Зайцев заболел воспалением легких. Матросы работали по грудь в воде.

23.30. Над морем, у горизонта, за пластом облаков красная луна. То, круглая, то прямоугольная. А от носа — светящиеся волны и за кормой снова пляшут светляки. Но свечение еще не сильное.

17 августа

Штурман капитан лейтенант Соломаха П. Н. Утром за чаем: — Солнце, надо определиться. По солнцу — ждать между первым и вторым измерением два с половиной часа, чтоб угол изменился. По звездам проще — взял четыре звезды и нашел место в четырехугольнике.

От Олюторского полуострова идем прямо на Камчатский полуостров. Небо ясное. Море — берлинская лазурь, яркое. С утра +11. Тепло. Но на мостике продувает.

Вахтенный Лопатин. Сожалел, что вежа вчера — пустая. Раз поймали японскую с крабами. Набрали целую бочку. Кок пришел с большим ножом, стал обрубать ноги, а туловища — за борт. Наварили. Две ноги, и сыт. Варили в пресной воде. Пока сети выбирали — японская шхуна показалась. Командир: — Рубить конец у сети — догонять. Не уйдет! Такой командир не упустит. Опытный.

11.45. Пришел Н. Кононов — зовет обедать.

Луньков много раз с начала похода хотел сделать «роль-мопс» — кушанье из селедки: сельдь разрезается вдоль и пласт с луком свертывают, прокалывают спичкой — и в уксус. Берешь за спичку и ешь. Сегодня окончательно решил сделать, приказал подготовить селедку.

Он любит кулинарить. Коллекционирует вырезки из журналов — рецепты кушаний.

Идем на мыс Африка. Глубина под килем 3017 м. Где-то здесь, неподалеку в одном из походов потеряли винт.

На корабле готовятся к покраске. Обдирают старую краску, замазывают суриком ржавчину, осматривают шлюпки, проверяют, все ли есть в них. Пешков проверил, есть ли рожок, в который дудят, призывая на помощь. Рожок распаялся. Приказ — припаять.

Конышев в берете. Небрит, усы, что-то в нем привлекательное. Очень уж он исполнительный не по приказу, а от души парень. Сигнальное хозяйство свое перебирает. А сейчас шлюпку — все проверил, перебрал.

Шли далеко от берега — 100 миль. Птиц нет, море пустынно и сине. Яркое солнце, ветер, океанская зыбь и брызги.

Около шести вечера наш корабль на большой высоте облетел американский самолет. В небе осталась трасса и долго плыла за нами по ветру, расплываясь.

На закате, солнце садилось в чистом небе — капнуло в море. У бортов брызги окрасились в фиолетовый цвет, будто пригоршнями бросали аметисты.

Взошла луна. Красная у горизонта, а потом поднялась высоко. Дорожка. Светло и свечения моря совсем нет.

18 августа

Встал в 7 утра. На горизонте — снежные горы Камчатки. Ясный синий день. Но гора в дымке и сразу их не разберешь, постепенно они проясняются.

Девять часов, подходим к Кроноцкому мысу. По всему горизонту горы и снежные острые вершины. Сначала я принял одну из гор за облака на горизонте. Но облаков в небе нет, а там белое в дымке. Потом догадался, что это сопка.

Издали острым конусом белела Кроноцкая сопка над мысом, а мыс низко лежал на море. Сейчас через три часа мыс рядом, а сопку не видно. Горы серые с чуть заметным коричневым налетом. На обрывах коричневее, ярче. Наверху голые с полосами снега и полосами темно-зеленого леса и светло-зеленых луговин. К подошве леса и луговин больше. И чем-то горы напоминают арбуз — темная и светлая зелень и белые полосы, и все полосами по округлым склонам.

Море зеленое. Внизу гор, недалеко от мыса поселочек — четыре дома и маяк, все маленькие. Я принял белые домики за прибой. Маяк каменный, круглая башенка. Низко стоит, повыше домиков на зеленом бугре у распадка.

11.30. У правого борта усатая морда большого моржа — высунулась и пропала под водой.

12 часов. Хлебопек Чувардин Володя готовит тесто в деже. Он гордится своим производством. Приносит кусок горячего хлеба и ревниво и с трепетом ждет оценки командира. Раз недосолил. Боцман выговорил. Теперь никогда не забудет солить. Рассказывал мне, что припек зависит от того, спокойно подходит тесто или нет. Когда качает корабль — припек меньше и если в горах высоко и если сыро в воздухе — меньше припек. Опара не любит, когда ее тревожат. Сейчас в дежу насыпал муки, а внизу — с дрожжами закваска уже созрела. Воды, и мешать, пока тесто не станет одним куском. Тяжело мешать. Говорят, одного матроса попросил мешать (28 кг муки только). Тот взмолился: — Легче, говорит, ручной штурвал крутить. Тесто было, как нечто живое, уже дышало под рукой. Он погладил его и закрыл крышкой дежу. Теперь еще час — еще подмешать.

Не всякий хлебопек ставит опару в Тихом океане, а хлеб печет в Охотском или Беринговом море, ... а наш так и печет. И шторм для него — это не очень хороший припек и не пышный хлеб.

12.50. По курсу полоса тумана. Она быстро идет навстречу, закрывая берег. 13 часов — ничего не видно. Завыла сирена — врезались в туман. Боцман снимает рыбу, что повесил сушиться на колонны. Иду к хлебопеку. Он еще раз мешает тесто. Оно стало уже гладким и скользким, не липнет и сопротивляется, как живое. Он бьет его кулаком, тычет в него, переваливает, и оно не хочет менять форму. Он говорит, что когда оно подходит, боится сквозняка, даже, если дежа закрыта. В пекарнях в это время закрывают вентиляцию даже. Чтоб лучше подходило — здесь нужно больше воды, в море, в низине и при качке. Никогда не думал, что будет печь хлеб. Не видел даже, как пекут, а тут сам печет. Здесь понял суворовские слова, что служба солдата идет через желудок. Не поешь — работать не будешь.

Третий раз размешал тесто. Оно стало еще норовистей. Жизнь в нем пробуждается. Эти три раза заняли три часа. Теперь будет подходить полтора часа, до 17-ти.

Набежавший туман ушел — вдали его коричневатая полоса. И сразу открылась Кроноцкая сопка с другой стороны. Она сильно скрадывается дымкой синей, но виден снег полосами и на вершине облако, точно зацепилось. Отсюда она кажется шире, приземистой, а из-за мыса — уже и длинней ввысь, точно кусок месяца.

А тепло на Камчатке, с утра +12, свитер снял. Ветерок прохладный, но на солнце тепло, да и ветерок не такой, как вчера, не чукотский уже ветерок. 20.30 — +14.

В сандалиях вышел и ничего шерстяного не надевал. Подходим к полуострову Шипунскому. Красное, круглое солнце садится в хмарь. И вдруг начинает его резать наискось — это там, в мареве — невидимая сопка.

Чувардин пригласил меня в пекарню — специальное помещение в конце коридора, где печь в два яруса электрическая. Дистанционные указатели температуры, выключатели и прочая техника. Уже вынут хлеб — лежат буханки поджаристые. Володя режет пополам, и я пробую вкусный, как пирожное, ломоть.

Володя: — Не знаю, на гражданке пригодится ли это умение. Другие — радисты, а я хлебопек, да кок. До армии работал на соляном заводе в Усолье Сибирском, на печатной машине печатал пакеты для соли. Сейчас как видит пачку соли — узнает почерк своей машины.

19 августа

Утром в 3.30. Во тьме подошли к Петропавловск-Камчатскому. Много огней по берегу. И непривычно как-то, тревожно и радостно после пустынных берегов Чукотки увидеть огни большого города. Пришел в рубку радист:

— встать на рейд бухты Раковой.

Со счастливым прибытием — передали из дивизиона.

Утро теплое +13, солнце сквозь дымку. Сопки едва намечены. Огромная гладь. И угадываются белые, снеговые контуры — огромные за зелеными взгорьями сопки, по которым раскидан город.

У мичмана Пахомова — день рождения. 40 лет. В обед пригласил к себе в каюту. Тайно — бутылку коньячку. Прекрасно — немножко после месячного почти непития. Потом фотографировались офицеры и команда. Настроение праздничное.

Потом пошли к пирсу в бухте Раковой. Но там стоял транспорт небольшой — грузили его. Стали ждать. Он ушел, начали приставать, но тут отказала одна машина, а у пирса течение сильное и неровное дно. Отошли, встали на якорь. Чинят машину. Пришвартовались только в 20 часов. Началась разгрузка. Вечером совсем Луньков пригласил к своему однокашнику по училищу — не виделись 12 лет. Тот демобилизовался, окончил институт — инженер по электронике. Он только что приехал сюда. Новая квартира, две комнаты больших в новом доме у стадиона «Водник» — на горе, над пирсом. В комнатах пусто — диван, стол. Там еще один моряк с «Корунда». Лежал в госпитале с радикулитом. Узнав, что я был на «Корунде», оживился, стал расспрашивать кто и что. Так и говорил с ним, будто я тоже там служу.

Луньков не спал сутки. Прилег на диван и уснул. В два часа ночи двое взялись за шахматы. Клонило в сон. Был хлеб, соленый окунь и колбаса. Сварили кофе: что-то мерзнуть начали — прохладно. Попили кофе. Я собрался на корабль. Саша проводил меня до трапа, хотя я порывался сам идти.

Он любитель всяких необычных идей. Весь вечер говорили о телепатии, йогах. Луньков занимался гимнастикой йогов. О Мессинге. Саша работал с начальником на одном корабле, который был необычайный эрудит. Стоило чуть зацепить его, и он мог говорить весь день на любую тему, например — какой нации женщины и мужчины нравятся друг другу, и почему.

В три ночи был у себя. Разгрузка шла. У трюмов машины, свет.

20 августа

Утро светлое. Лишь низко по воде в бухте туман. Долго ждали машину. Все в разгоне — мужчины на рыбалке, женщины по грибы. Воскресенье. Город на сопках. Вполне современный, хоть и много по склонам деревянных домишек с огородами. В центре, в заливчике — рыболовный порт. Огромные штабеля заготовок для бочек, рыболовные траулеры. Солнце, жарко. Здоровенные, прекрасно одетые, парни. Девушки экстравагантные. Но в большинстве, и те и другие ходят раздельно. Не часто, чтоб вместе. Много молодых семей с детьми. Современные магазины, гастрономы. На окраине зашел в «павильон» — так назывался магазинчик. Парень брал выпивку — 15 бутылок водки и 8 больших бутылок красного вина. Автобус стоит 8 копеек. Линия «10-й км ЖБФ».

Парк культуры, на сопке, заросший каменной березой. Кафе. На скамейке несколько подвыпивших парней. Один спит, откинувшись. Из кафе выбегает крепкая, высокая девушка в белом, бросается к спящему, целует его. Он просыпается — объяснение в чувствах.

К вечеру над сопками — наплывы тумана. Холодный ветер. На Раковую бухту пополз туман и с другой стороны тоже синее марево. Вот-вот дождь. Но дождя не было. Все улеглось.

21 августа

С утра пасмурно. Разгрузка продолжается. Вчера был в бане корабельной. Хорошо. Ю. М. принес термос пива. Выпили по паре стаканов. Он, как на иголках — не заглянул бы кто...

С утра ездил в город. На аэровокзал, который в здании морского вокзала. Там же ресторан «Океан». В рыбном магазине — парной кижуч. По городу говорят: «кижуч пошел» — значит, рыба везде. Несут большие рыбины. Красное, яркое мясо, цвета кетовой икры. Но в рыбном магазине выбор очень мал. Никакого сравнения с Владивостоком.

Днем Остапенко встретил меня в коридоре и таинственно сказал, чтоб я взял аппарат и за ним. Около радиорубки, под железным шкафчиком — сине-фиолетовая морская звезда. Поймали багром — она плыла у борта. Положили ее в ведро, но оно понадобилось, чтоб нести помой свиньям (у бака — клетка для двух свиной: Капитон — больше, Борька — меньше). Пересадили звезду в таз — поставили у шлюпки на шлюпочной палубе.

21 августа вечером, часов в 8, я вышел на палубу. Появился Геннадий Гаврилович, бритый, немного возбужденный. Сказал, что собирается в город. Я вызвался составить ему компанию. Он, видно, сам хотел предложить, но не решался, что ли. Пошли. Сошли с трапа. Был прилив и борт поднялся высоко над пирсом — метра на полтора. В отлив — борт на уровне пирса и шагаешь через него сразу на середину трапа, ведущего на узкую палубу и ко входу. Геннадий Гаврилович спохватился, что надо бы надеть гражданское. И не решался выполнить свое желание. Почему-то он очень волновался. Выход в город для него был событием. Я посоветовал ему переодеться. Он колебался. Потом пошел и вернулся. Рубашка без пиджака. Вечер прохладный. Но за пиджаком не пошел, хотя и еще раз поколебался — идти или нет. По пыльной дороге пошли от пирса вверх, к автобусу (рядом с пирсом бетонный завод и цемент везде, и машины разбили каменистую почву).

Решили ехать в ресторан «Вулкан». В городе говорят «Вулкан открылся». Я не мог понять — думал, извержение началось. Оказалось, на месте сгоревшего деревянного ресторана построили современный, стеклянный. Побывать в «Вулкане» экзотично. Однако мест нет и столики забиты. Танцуют. Пошли в кафе «Юность» в центре города. А «Вулкан» — за озером, наверху. Сели за столик. Немыслимо громко наяривает джаз. Парень певец поет в микрофон и тоже очень громко. Твист — две девицы выкамаривают. Больше никто не пляшет. Парни сидят за бутылками, смотрят. Взяли шампанское, салат помидорный, бифштекс и бутылку «Малкинской» минеральной воды, типа Ессентуки №4. Хорошо поговорили. Геннадий Гаврилович рассказал о Таллине. Его Зайцев все подзадоривал, говоря о его знакомых девушках, у которых он бывает. Геннадий Гаврилович в ответ подзадоривал Зайцева. Сейчас он говорит, что Зайцев болтает насчет девушек — никого у него нет. Была, которую он любил, и писал ей длинные письма из Владивостока. Она в Ленинграде. Потом она давала ему читать его же письма. Его знакомый рассказал, как расписывались в ЗАГСе. Дошли до калитки — и мимо, и так десять заходов. Не решались войти, даже не это, не решались связать себя. Видели в этом ущемление свободы. Геннадий Гаврилович: — Не надо так совсем жениться. Лучше уж холостяком. Взяли еще бутылку. В 11 погас свет, и нас попросили. Шли пешком. Через весь город, по взгорьям. Геннадий Гаврилович на спор с боцманом бросил курить — бутылка коньяку и сухого. Геннадий Гаврилович о моей повести — очень концентрированный язык и спрессованные образы. Можно бы роман написать на этом материале.

На корабль вернулся в 1.30 ночи. Нас встретил Соломаха — дежурный. Обрадовался поговорить. Болтали. Спать невыносимо хочется. Есть в нем что-то скучное. Он не откровенен. Геннадий Гаврилович говорит, что мое посещение некоторое время рассматривал как инспекцию. Но я внес и отрадное — в кают-компаниях перестали говорить о работе. Раньше нельзя было отдохнуть от производственных разговоров. Старпом часто убегал — так надоедало, везде одно и то же. Теперь же травил истории, анекдоты и это было отрадно всем. Пили чай. Спать легли в третьем часу. На завтра — прощание.

22 августа

Встал в 6.30. Чай. Луньков: задержка — нет добра на отход и Лопатин еще не приехал с продуктами. В бухте туман, по другой стороне особенно. Был в кают-

компании. Луньков вошел — снимаемся с якоря. Попрощались со всеми. Через трап уже несут последний мешок муки. Спрыгнул на пирс — трап уже убрали. Матросы наши снимали швартовы с кнехтов на пирсе. Буксирчик тянул «Ишим» за корму. Медленно он отходил от пирса. Луньков попрощался со мной в мегафон. Я пошел по пирсу. Грустно. Точно что-то родное ушло — привыкли мы друг к другу. Поднялся по дороге и сверху смотрел, как медленно отходит «Ишим». Поехал за билетом на аэровокзал.

Еще 21-го среди дня перенес вещи на тральщик «Держинский», куда меня определил начальник политотдела Потапов Василий Степанович.

Пошел туда. Часовые пропустили без вопросов — их предупредили. Был обед. В кают-компании два молодых совсем офицера. Что-то от Станюковича: очень вежливы, сдержанны, воспитаны. Живут на корабле. Уходят на несколько месяцев — Курилы, Командоры.

Днем Потапов: — Едем на заставу Маяк рыбачить. Он неразговорчив, замкнут. Был штурманом. Водил еще в войну и после корабли по Норвежским шхерам. По Северному пути пришел во Владивосток вместе с Зайцевым. Стал политруком года два назад.

Пошли к гаражу. Там ... машину. Еще двое в штатском — они по-охотничьи. Один боцман, другой механик. Боцман низкий. Непрерывно говорит. Большею частью рассказывал о Пятигорске, откуда родом и о Грузии — шашлык, вино и прочее. О Камчатке редко, все об охоте. Здесь медведь самый мирный. Можно подойти и стоять рядом. Совсем не агрессивен. Поэтому его почти выбили. Сейчас запрет на него. Едем через город, за городскую свалку, откуда грунтовая дорога в сопки. Они густо зарощены кустарником и редкими каменными березами — коряжистыми, высокими, строением похожими на яблони. Много высоких пней, видно зимой давно еще пилили. Дорога круто вверх и вниз. Долина. Вдали — Лагерное. Тут был лагерь заключенных. Сейчас поселок. Живописно. Озеро. По сопкам кедров. Маяк. Застава на вершине сопки голой. Длинный дом — казарма. Начальник заставы молодой лейтенант. Строят новую заставу. С обрыва видны скалы «три брата». Голубые горы — это вход в бухту, Авачинская губа. Начальник сказал, что кижуч есть, можно вниз, на речку. Охота плохая. Боцман: — Едем на пост у Долинного. Там рыбы — во, охота — во! И езды всего полтора часа. Начальник заставы звонил на пост. Едем. Что-то дорога вроде не та... Впереди — грязь, все разбито. Шофер молодой, всадились в колею. Встали. Хотели назад — съехали вперед. Колесо на склон. Сходил в грязь, оттолкнули. Съехал в грязь, буксует. Носили камни под колеса. Съезжает не более 2 метров и буксует — грязь. Родник под колесо — все развезло. Надел сапог, штурмовку, стал помогать. Потапов в мундире и ботинках. Толкали машину. Меня обдало из-под колеса грязью. Рвали траву под колеса. Трава, два метра высотой, зонтичные, огромные листья. Кустарник, березы. В лес войти нельзя, сплошняком, трава и кусты, нельзя вклиниться без топора. Послали одного за трактором, боцмана тоже. Три часа сидели в луже грязи на склоне сопки. Вернулся механик с машиной ГАЗ-69. рассказал — пошел за трактором. Нашел его на склоне — он на боку почти (мы его видели, шел навстречу). Никого нет в нем. Нашел тракториста — пьяный в дым, спит на траве. Неподалеку — бухой солдат. Расталкивал, ничего не понимают. Сел за руль сам, мотор не заводится. Боцмана я застал в поселке, когда пришла машина, чтоб он зря трактор не гонял. Поселок в долине на склоне сопки. Домики аккуратные, новые. Боцман — в кабине трактора заведенного. Увидел меня, вышел.

Из палисадника к трактору нетвердо идет тракторист, весь в мазуте. Языком не ворочает. Сказали, что он не нужен, поблагодарили за беспокойство, пожали ему руку, словно взяли за тракторную деталь — мазут.

Боцман: — Нашел дом тракториста, его нет. Жена говорит — он на пьянке у соседей. Сама тоже вдрызг пьяная, полураздета, лезет к боцману обниматься. Еле отвязался от нее. Нашел тракториста, он спит у соседей. Еле добудился. Показал записку начальника с приказом: — Ехать и выручать машину. Не верит записке. Потащились к начальнику. Слову поверил. И вот оказывается, что ехать не нужно.

Боцман: — На Камчатке все пьяницы. Получают много и все пропивают. Только водка интересует. Ничего не знают и не хотят знать. Работают: — деньги — водка — вся жизнь.

Сам боцман говорит таким голосом, что не поймешь, пьян он или трезв. Вроде бы не пил, а язык заплетается. И выпьет — не меняется разговор.

Подошли к своим. Газик все еще в грязи. Нет каната. Шофер-солдат вспомнил, что тут ниже по дороге в грязи валялся трос. Пошли искать. Точно, через дорогу — стальной трос. Его конец запутан и залит грязью. Стали вызволять. Шофер-солдат, с ним парень в голубой брезентовой куртке. Парень ко мне — земляк, здорово. Надо помочь земляку. Я из Москвы. Живу на Стромынке, 34. Весной сюда приехал, был на пароходе, сейчас здесь по электромонтажу маяка.

Трос распутали (парень все сетовал: рубило бы сюда и распутывать не надо — рубить и все). Он подшофе. Сегодня день получки и все люди в округе — подшофе.

Наконец, трос подцепили. Машина дернула, и наш газик поскакал через колеи. Выбрались, попрощались с земляком.

Боцман — давай прямо, я тут все дороги знаю. Командовал уверенно: куда сворачивать, но сказал, что едем опять не туда. Раза три возвращались к началу и снова начинали. Уже темнеет. По склонам сопок — каменная береза, чудовищная по размерам и нелепости рисунка, кедровый стланик. Выехали на дорогу. Дотряслись снова в город, пересекли его, и через Долинное во тьме вывернули к берегу океана. Здесь совсем плоская равнина, пересеченная речками и ручьями. Едем к посту пограничников. Теперь у каждой лужи шофера предупреждают — осторожней, посмотри получше. Последнее препятствие — речушка. Переехали. Здесь особенность: мосты объезжают — ездят прямо по воде. Мосты хилы и стары, служат помостами для рыболовов. Машины и лошади их опасаются. Во тьме — к избушке на плоском берегу речки. В свет фар вышел солдат с винтовкой. Это пост пограничников. Ему позвонили о нашем приезде. Парень говорит сонным голосом. Первый вопрос: — Есть ли рыба?

— А черт ее знает. Мы не рыбачим. Ловили ребята что-то...

— А как охота? Есть кулики?

— Да черт их знает. Мы не охотимся. Вроде летают. Здесь охотников было вчера 150 человек.

— Сеть у вас есть?

— А черт ее знает. Вроде была на берегу. На песке лежала.

Решили ловить тотчас же. Боцман — минут за 20 поймал пару кижучей (размах рук — величина рыб), заделаем тройную уху.

Пограничник: — Здесь рыбнадзор где-то ходит. Фамилия инспектора что-то вроде Пейсихович, склочный старичок — никому спуска не дает. Он не смотрит, пограничник ты или кто. Акт составит, и запляшешь у него. Наши рыбаки приуныли сразу, как услышали про Пейсиховича. Капитан 2 ранга совсем прокис.

Но все же решили сетку бросить и на ужин поймать. Пограничник попросил только отогнать машину от обогревателя. Куда? Боцман — тут рядом, метров 250 лес — туда. Поехали. Какие-то кусты, кочки, пустошь. Это и был лес. Перед этим в машину нагрузили дров, собранных по речке. И очень хорошо, ибо обещания боцмана, что в лесу сухих дров, сколько хочешь — оказались, как и все обещания — химерой. В «лесу» с трудом удалось вырубить кривульку для палатки.

Но еще до этого, мы пошли за рыбой. Довольно долго тащились по обрывистому берегу, по песку косы. Где-то рядом бухал океан, но его не было видно. Наконец, справа — белые валы наката. И запах моря. Сетку нашли. Второй спутник скинул сапоги и портки, и охотно полез в ледяную воду. Занес сеть, укрепил на том берегу и стал ждать. Я пошел к океану. В полутьме были видны вынесенные приливом доски, ящики, бутылки, водоросли. Около одного из ящиков мне померещился скелет человека со свернутым черепом. Утром это оказалось сплетеньем водорослей. Вернулся к сетке. Капитан 2 ранга и механик упавшими голосами утешали себя, что рыба идет в прилив, а сейчас отлив и она в сеть не бьется. Свернули сетку. Назад.

Из обогревателя (избушка) вышел тот же пограничник. Спросили, нет ли у них рыбы на ужин. Жрать все хотели страшно. Было 11 ночи и часа 4 мы тряслись в машине, а три — вынимали ее из грязи.

— Да черт ее знает, вроде нет. Я этим не интересуюсь.

Пошли к машине. Стали ставить палатку и одновременно — костер. Когда костер с помощью бензина запылал, оказалось, что он в метре от палатки и брезент уже дымится. Стали перетаскивать костер дальше. Опять облили бензином. Кэп поужинать решил, наклонившись к дровам. Шофер его почти что оттащил.

Наконец, все устроилось. Палатка на курьих ножках, свет фар и костра, тулуп на земле. Бутылки, закусь городская. Налили, выпили, закусили. Кэп несколько размяк и стал рассказывать что-то о норвежских шхерах. Отдохнули немного. Эх, чайку бы — все слоеное и острое. Боцман: — Взяли кастрюлю, котелок? Нет, собирался, да забыл... не беда — можно банку от бензина обжечь и чай будет. А заварка есть? У пограничников взять? Да ладно.

Легли спать. Уснул быстро, но вскоре разбудил храп механика.

23 августа

Мутный рассвет. Спать охота жуть. Механик встал, как огурчик, в 6 утра.

— Охотнички! На охоту!

Нехотя встали. Ушли в мутный туманный рассвет. Кругом ни одной птицы. Серо и черно рисуются сопки вдали. Мне и шоферу Токмакову дали ружье и 6 патронов. Я потащил его (шофера) на берег океана. Зашли в обогреватель. Вчерашний пограничник притащил с плиты чайник приторно-сладкого кофе, хлеба и полмиски красной икры. Закусное. Больше ничего нет — сказал, извиняясь. Посоветовал рубать икру, она очень сытная.

Малосольная икра была вкусна. Солдат жаловался, что ее трудно было отделить от пленок. Потом он вынес тазик с большой рыбиной в нем. Брезгливо понюхал.

— Черт ее знает, соленая, что ль. Бросил кто-то здесь...

Впоследствии эта рыба и выручила наших рыбаков. В большой консервной банке из нее сварили одинарную уху. Красный кижуч хорош.

Позавтракав — на берег. Пограничник попросил только не делать много новых следов — ходить там, где уже хожено. Проверка, может быть, неожиданно — объясняй тогда, кто да что...

Океан грохал сильнее, чем вчера. За берегом речка, его не видно. Поднялись наверх — накат белеет за косой серого, почти черного песка. Волны идут литым стеклом, растут, ломаются и рассыпаются в белые брызги и пену. Иногда сшибаются, и вверх брызги фонтаном. Мутно видится солнце и иногда дорожка. Справа, вдали — склон горы, скалы, стоящие в море — все плоское и синее за далью. Отлив оставил на песке целое сувенирное богатство — светлые, синие и зеленые шарики из стекла — поплавки от рыбацких сетей. На некоторых — целые колонии морских желудей, мелких рептилий. Разноцветные поплавки из пенопласта — японские. Бутылка японская с драконом. Отвинтили пробку — там еще есть водка. Бросили назад в море. Длинные основания листьев морской капусты — сами листья истрепало, а основы как змеи или стручки. Фотографировал у прибора.

Токмаков забросил сеть еще раз. Вдруг к нам женщина, в белом халате и косынке, на лошади. Где шофер? В стаде тяжело больна корова — нужно ехать в поселок за аппаратом и лекарством. Не подвезете ли? Она ловко сидит в седле. Молодая совсем, круглая и коренная сибирячка из Красноярского края, из таежных районов. Пошли за разрешением к кэпу. Я вернулся, взял ружье и тоже за ними.

Машина долго не заводилась. Вчера сломалась коробка передач... завели, поехали. Не было второй скорости (шестерня полетела). Переход с первой на третью сразу и машина прыгала козлом. Дорога не из лучших к тому же. Огромные лужи на пути, ямы. Я ударился о железную растяжку головой и потом держался что есть сил.

Девушка оказалась ветфельдшером. И отец у нее ветфельдшер в Сибири. Приехала родственница с Камчатки, пригласила сюда. Поехала. Без пропуска. Пошла прописываться — штраф 5 рублей. Начальник милиции: — Мы часто будем

с вами видется. Она: — Не думаю. Он: — Молодежь здесь такая, часто в милицию попадает. Она: — Я не собираюсь попадать.

Приехали в поселок Заозерное: новые домики вроде финских, чисто, хорошо. У соседей занятный сын. Фотографировал его. Мать, живут на Камчатке 21 год. Раньше на рыбокомбинатах работали с мужем. Но много их закрылось — нет рыбы. Стала дояркой.

Едем назад. Мимо поста (вдали от избышки вышка наблюдателя пограничника). Потом по берегу океана. Его не видно, он за высоким берегом, под обрывом, за пляжем. Показался летний лагерь животноводов — два балка, изгородь, кормушки. Корова у балка лежит. После отела у нее что-то... Из рта кровь. Еле дышит. Вокруг все население. Фельдшерица сразу за дело. Насосом вроде велосипедного начала накачивать воздух в вымя, в каждый сосок и перевязывать, чтоб назад не выходил. Укол сделала. Пучками травы растирали ноги. Накрыли брезентом её. Между балков стол. Доярки играют в домино. Пропала корова, говорят, лучшая была в стаде. Но корова вскоре встала на колени, ожила. Успели помочь. Если б не машина — погибла бы.

Попросили сфотографироваться. Событие. Оделись в белые халаты. Мужчины лишь в прежнем. Доярки игриво подводили губы. Одна в голубых колготках и сапогах. Другая не хотела в халате, а в платье. Угостили молоком.

Поехали. У палатки все спят. В консервной банке — уха. Боцман очнулся: — Ешьте уху. Упал на тулуп. В стороне свалка бутылок — водка и пиво. Не осталось ни капли. Кэп спит непробудно. Черпаю кружкой из банки куски розового мяса. Вкусно. Вышло солнце, тепло. Но гор так и не видно снежных. Лег загорать. Боцман пробудился — пойдём, покажу кулика. Он в палатке, подбито крыло. Бедняга, плачет. Позже его добились с двух метров.

Пробудились все. На охоту. Вяло, нехотя. Нет птицы. Побродили. Пора ехать. Приехали часов в 5 вечера.

24 августа

Кэп все сулил вертолет и долину гейзеров. Самолетка был, погодка — был, пилотка — нет. Теперь есть пилотка и самолетка — нет погодка. Пошел в музей краеведения. Обедать — в «Вулкан». Днем просторно. Но к 5 часам уже стали приходить ребята и занимать весь столик до 7 часов, когда придет компания. Сидит, пьет и ждет — держит столик.

Кормят вкусно. Свежие помидоры, антрекот, водочка. Оттуда — на рынок. Продажа ягод, 20 коп. стакан, грибов — рубль кучка, картошки, лука. Сразу за рынком — море. Деревянная шаланда — пристань, катер морской, высокий.

Пивнушка. Пива нет. Кому досталось — пьют из кружек и банок (пол-литра). На столе трехлитровая банка, в которую заранее берут пиво, как в графин. У одного полиэтиленовый пакетик с пивом на столе. Рыба, говор, дым.

Вечером, часов в семь, решил подняться на сопку рядом с базой — достать кусок каменной березы. По сопке огороды с картошкой. Пробрался к распадку, оттуда — в другой, где есть березы. Густая трава, кусты. Кедрач — ногу сломишь, все перепутано. Дорожка по руслу весеннего ручья. С двух сторон стеной кусты. Долго пилил кусок березовой ветки.

Назад — темнеет. Спустился, совсем темно. Хочется пить. Зашел в магазин — взял миньковской. К базе — спуск через множество дворов, по лестницам и без них. Темно. Перепутал спуски. В полутьме — навстречу компания подвыпившая. Огромный детина кричит: «Шурик, что у тебя в мешке?» Я понял, что это мне. Не отвечая, иду на них. Прошел мимо и только тогда детина решил подставить ногу, но поздно, лишь задел мой каблук. Иду, не оборачиваясь.

— Чего ж не говоришь? — спрашивает детина. — Я спрашиваю, а он не говорит...

Иду прежним шагом молча и думаю, что могут камнем бросить. Но ничего — они уходят.

Путаясь в темноте по спускам, добрался до базы, пришел на корабль. Попил водицы, лег. Дневальный: — Не хотите ли чаю?

25 августа

С утра — в Паратунку. Один шофер посоветовал ехать до аэропорта и оттуда далее. Шоссе хорошее. По шоссе в аэропорт, недалеко от 10-го км, всмятку разбитый новенький «Москвич» лежит на боку. Толпа любопытных. Когда ехал назад эту «смятку» уже везли на грузовике в лом.

Новые кварталы чисты и современны. Только белье сушится странно. Между домами на уровне третьего этажа — веревка и на ней белье трепещет на ветру — никто не достанет.

Пересадка на автобус до Елизово. Дорога по полям. Кустарник — вдали сопки. День пасмурный. Лишь в аэропорту на мгновение показалась часть склона Авачинской сопки — грандиозная, и скрылась. От Елизово до Паратунки через речки с мостами для езды. В одной речке стоит трактор, гусеницы уже затянуло галькой. Быстрая. Чистая вода, галечные берега и косы. Поселки все новые — в 2-3 этажа дома.

Паратунка на сопках. Около — болотистая равнина в сырой дали, по краям равнины — облачка пара, там пробили скважины и они дымятся. Лечебница Паратунка и бассейн для желающих. Бассейн и раздевалка современны — бетон, облицовка — голыши гальки тонированные, дерево, панели. Все просто и удобно. Плохо, что помыться нельзя с мылом. При выходе к бассейну горячий душ из термальной воды. В бассейне плавают, парятся. Глубина метра полтора. Вода немного отдает сероводородом. Искупался. В одном конце — прохладная, в другом — горячая. Бассейн также бетонный с голышом, со вкусом сделано.

Раздевалкой пользуются не все. Кассой и билетами также. В железном заборе есть несколько лазеек. У забора стоит Волга — такси. В ней летчики. Один в форме, другие раздеты — в плавках. Сквозь запотевшие стекла видно, как там по кругу ходит бутылка коньяку. Согревшись, выскакивают из машины и бегут к бассейну — лезут в горячую воду.

Попытался было пройти до источника за болотом. Речка, от которой идет пар. Берег. Палатка в кустах. Болото. Я в ботинках. Иду назад. Из палатки вышли умываться крепкий парень-сибиряк и под стать ему плотная девица. Они словно природой созданы для трудных мест — столько в них силы. Парень сказал, что пар за болотом от скважины — здесь бурят кругом.

Прошел по поселку. Справа от дороги, на сопке большая современные дома — санаторий военный. Навстречу люди с полотенцами, как в Мацесте. Говорят, купаются до часу ночи. Свернул на проселок. За перевалом через сопку улица. Пошел вдоль, к концу деревни. Дрова. Мертвая каменная береза, гуси, куры, петухи, на сарае возле одного дома медвежья шкура, на другом доме — поменьше.

Вышел за поселок. Картофельный огород между речкой и сопкой. Ярко-фиолетовые цветы картошки. Земля коричневая. Старик говорит, что нужно удобрять навозом, иначе не родит. Дорога — к шоссе, по которому автобусы, самосвалы возят землю и гальку с карьера. Рядом в лес — проселок. Прошел по нему. Трава сырая. Каменные березы одна другой коряжистей. Старые высохли с вершины, есть и мертвые от старости, у них верхние сучья опали и лежат внизу, загородив дорогу. Дорога сворачивает в сторону — обходит мертвые ветви.

Сел под одной из берез, перекусил. Перешел шоссе — там еще дороги в лес. Углубился. Кустарник, бурелом, высокая трава. Без дороги не пройдешь. Шел с полчаса — вышел к болоту, покрытому красной травой. Контраст к синим горам и серым облакам.

Назад. Тут и со стариком говорил о медведях. Тут и искупался в бассейне. Зашел в комнату отдыха — очень уютно. Из больших окон видно болото и сопки. Неподалеку — скважина, из которой вода. Тут же теплицы с помидорами и баня. Вода очень горячая — руку жжет. Безвкусна — я попробовал.

Дикий источник около лечебницы, на задворках — горячая лужа, в которой сидят по пояс грузные старые женщины. На скамеечке пожилой мужчина с костылями.

Остановка у бассейна. Тут же автобус с туристами, непрерывно щелкающими фотоаппаратами и таскающими огромные рюкзаки.

26 августа

С утра дождь. Слышно, как он стучит по железной палубе над головой. Выходить неохота. Сижу в каюте, пишу это вот все. После обеда меня пригласили рассказать матросам о работе журналистов. Слушали хорошо, много вопросов. Попросили рассказать, кто такой Кондрацкий.

К вечеру пошел в город. «Вулкан» занят свадьбой. Попал в «Океан» на морском вокзале. Официантка, подобная гире на тонких ножках. Столики все почти пусты, а никого не сажают — заняты. И за моим — сидит парень, скучая, пьет два часа двести грамм портвейна — бережет стол к семи вечера, когда все придут. И два часа стол пустует. Один забежал — пароход уходит, перекусить. Отвели за другой столик.

Офицеры обмывают звездочку. В отдельный зал официантка таскает подносы, уставленные шампанским, пузатыми графинами с водкой, вазами со сливами, яблоками, конфетами. Она выбивается из сил, словно в зале некое чудовище, пожирающее все это. У окна длинный стол, уставленный снедью так, что некуда вилку положить. Нечто грандиозное.

Вышел на пирс. Отходит теплоход «Николаевск». Идет на восточный берег Камчатки. Провожающие. Трап поднимают — к нему рвется подвыпивший парень. Его осаживают двое пограничников. Он размахивает паспортом — на две минуты зайти взять часы. Ругается, грозит. Пограничник спокойно его увещевает не ругаться.

Ушел теплоход. В динамиках — марш: «Товарищ Т... с отрядом флотским...»

На кнехт парень поставил бутылку портвейна и стакан. Наливает, пьет, смотри на теплоход, машет рукой.

В стороне женщина в голубой куртке с красным воротником машет рукой. Все разошлись и теплоход уже далеко, а она все машет и вытирает слезы платком. С высокой кормы «Советского Союза» матросы кричат ей — не плачь, иди к нам, познакомимся. Она не обращает внимания — плачет и машет рукой. Дождь прошел и дальше сопки за заливом — тонкая игра серых оттенков: от бледного, слитого почти с небом, до темного.